

Российская Академия Наук
Институт философии

Иван Угрин

**РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
И ИМПЕРСКАЯ ПАРАДИГМА:
ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Москва
2017

УДК 172.1
ББК 87.6
У 27

Ответственный редактор

В.Н. Шевченко

Рецензенты

д-р филос. наук *И.К. Пантин*

д-р ист. наук *В.Г. Хорос*

У 27

Угрин, И.М. Российская государственность и имперская парадигма: философский анализ [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; И.М. Угрин. – М. : ИФ РАН, 2017. – 106 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 100–104. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0317-8.

Монография посвящена проблеме становления, упрочнения, развития и упадка российского государства как государства имперского типа. В ней проводится философский анализ имперской идеи в контексте ее отношения и взаимосвязи с политическими идеологиями. В работе раскрываются факторы формирования российской имперской государственности, показана преемственность ее традиций на протяжении столетий. Проводится анализ причин распада империи и угасания мобилизующего потенциала имперской идеи в современной России. Ставится вопрос о возможности возрождения имперской парадигмы в новом качестве, позволяющем ответить на вызовы текущего столетия.

ISBN 978-5-9540-0317-8

© Угрин И.М., 2017

© Институт философии РАН, 2017

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Понятие империи и факторы образования российского имперского государства	10
Понятие и атрибуты империи.....	10
Имперская идея: философский анализ.....	16
Факторы образования российского имперского государства.....	30
Глава 2. Российская имперская власть в исторической ретроспективе	43
Самодержавная власть во главе модернизации и вопреки ее сущности.....	43
Советский проект и причины его крушения.....	55
Последствия отказа от имперской парадигмы развития.....	66
Глава 3. Российское государство и гражданская культура	73
Гражданская культура в национальном государстве и в империи.....	73
Между правом и правдой: о некоторых особенностях русской гражданской культуры.....	80
Российский народ: историческое самоузнавание.....	91
Заключение	97
Список литературы.....	100

Принцип *imperiū*, проявившийся даже еще и в республиканском Риме, отражал волю к осуществлению на земле порядка и космической гармонии, вечно находящихся под угрозой¹.

Ален де Бенуа

Россия никогда не была односоставным простым народным массивом и никогда не будет им. Она была и будет Империей, единством во множестве, государством пространственной и бытовой дифференциации и в то же время – духовного единения².

И.А. Ильин

Введение

Мы живем в особое время. Каждое время по-своему особенно, но XXI столетие отлично от прошлых времен тем, что открывает такие горизонты для взаимодействия цивилизаций и наций друг с другом, какие не просматривались никогда ранее. Происходит не только взаимодействие, но и взаимопроникновение культур друг в друга. Впервые встает вопрос о формировании единой общечеловеческой цивилизации – встает не только в теории, его выносит на поверхность практика жизни. Это вопрос заостряет старые противоречия между странами, народами, религиозными конфессиями и широкими общественными движениями. В ситуации господства глобального информационного пространства и втягивающего в свою орбиту локальные экономики глобального рынка каждый народ пытается самоопределиться. Но чтобы найти и не потерять свое лицо, чтобы остаться самим собой, нужно прежде научиться различать других и себя, понимать в чем состоит уникальность пройденного пути и, главное, потенциал для дальнейшего движения. История не течет подобно реке, неся в своем потоке людские массы. История творится, творится людьми. История человечества творится народами, высту-

¹ *Бенуа А.* Идея империи. URL: http://s3-eu-west-1.amazonaws.com/alaindebenedict/pdf/idea_imperii.pdf (дата обращения: 06.07.2016).

² *Ильин И.А.* Наши задачи (сб. ст. 1948–1954). Париж, 1956. С. 148–149.

пающими в роли макросубъектов исторического процесса. Что значит быть творцом истории для российского народа? Готов ли он взять на себя эту роль, эту ответственность?

Понять современность нельзя без обращения к опыту прошлых поколений, даже если этот опыт по каким-то причинам был отвергнут. Крушение советского государства повлекло за собой немало негативных последствий: потерю нравственных ориентиров, разрушение прежней хозяйственной системы (при том, что и по прошествии двадцати шести лет экономика жива во многом за счет ресурсов советского наследия), ослабление геополитических позиций (даже нерешительные попытки восстановления которых вызывают яростный протест западных элит), обострение межэтнических конфликтов и др. Одним из важнейших последствий стала неопределенность относительно модели государственного устройства. До сих пор остается не ясно: какой тип государства перед нами. Советский Союз был государством имперского типа, но его больше нет, а то, что осталось на развалинах бывшей империи оказалось не вполне непонятным даже тем, кто пытался конструировать Российскую Федерацию как нечто принципиально отличное от империи. С этим вопросом связана проблема имперской (постимперской) идентичности и возможностях замены ее на другие формы общественного самосознания³.

Привычная логика говорит, что если мы отрекаемся от имперского прошлого, значит мы строим национальное государство. Однако для того, чтобы создать национальное государство, недостаточно отринуть имперскость, повесив на нее груз всех прошлых ошибок. Национальное государство – это вполне определенная модель государственного устройства, функционирующая согласно определенным закономерностям. Она имеет ряд неотчуждаемых признаков, два ключевых из которых – верховенство права и конструирование идентичности посредством национальной культуры. При отсутствии последних о нации как о чем-то реально существующем говорить не приходится. Для того, чтобы нечто строить, нужно понимать, *что* мы строим.

³ См., например: *Холодковский К.Г.* Проблемы и противоречия российской идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 2. М., 2012. С. 232–258.

Российская государственность находится в неопределенном состоянии. Россия уже, без всякого сомнения, не империя. Но она не является и национальным государством. Россия стоит перед выбором. От этого выбора ей уйти не удастся. Развитие государства предполагает наличие некоей стратегии. Отсутствие стратегического мышления и, как следствие, продуманного сценария действий неизбежно ведет в лучшем случае к стагнации, в худшем к деградации.

Дилемма, на наш взгляд, выглядит следующим образом. Либо Россия продолжает попытку построения национального государства, несмотря на двадцатилетний опыт и многие объективные обстоятельства, вынуждающие ее отказаться от данного проекта. Либо она возвращается к идее построения государства импероподобного типа. Но тогда встает вопрос о том, как возможно строительство такого государства в XXI веке. При этом термин «империя» вполне может быть заменен на другой. В научной литературе можно встретить такие словосочетания как «региональная интеграция»⁴ или «интегративное государство» (его использовал в некоторых своих работах И.К. Пантин). Наиболее перспективным с точки зрения творческого ответа на поставленный вопрос представляется концепт «государства-цивилизации»⁵. Иногда используется ставший привычным в советское время термин «союзное государство» или просто «союз». Автор данного исследования не претендует на то, чтобы ввести в оборот массовой культуры термин «империя» как ярлык нового политического проекта. Империя представляет для него прежде всего философский интерес.

Воссоединение Крыма с Россией и реакция на это так называемого «международного сообщества» продемонстрировали то, насколько западные политики опасаются усиления российского государства и восстановления единства пространства Русского мира (российской цивилизации). В условиях противодействия со стороны влиятельных международных сил процессу укрепления

⁴ Неклесса А.И. Северная Ромея. Рассуждения о русской идентичности. URL: http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/15812-severnaya-romeja-rassuzhdenie-o-russkoy-identichnosti.html (дата обращения: 08.09.2016).

⁵ Раскрытие содержание этого концепта и его взаимосвязи с «традиционным» понятием «империя» см. в статье: *Спиридонова В.И.* Государство-цивилизация как вариант поиска самоидентификации современного российского общества // Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М., 2016.

российской государственности перед страной встает вопрос о необходимости выбора такой модели развития, которая обеспечила бы положительную динамику в социально-экономической сфере и одновременно способствовала раскрытию духовно-нравственного потенциала русского народа. Без обращения к непреходящим ценностям русской культуры найти такую модель, на наш взгляд, не представляется возможным. От того, насколько сознательной и продуманной в отношении собственного государства будет позиция русского народа, зависит его будущее и будущее народов, близких ему по духу.

Суть проблемы, на наш взгляд, заключается в *необходимости определения парадигмы развития российского государства, отвечающей на вызовы XXI столетия и соответствующей базовым ценностям русской культуры*. Среди таких ценностей можно выделить: ценность справедливости (жизни с правдой), соборность (преобладание общего блага над частным без нивелирования последнего), мессианиззм (интуитивное ощущение определенной исторической миссии, которую призван осуществить русский народ), единство (устроение Мира миров). Утрата ценностных ориентиров, которые задают направление и объясняют смысл социальной и индивидуальной жизни, чревата утратой собственно человеческого, лишает человека перспективы одухотворенного существования, а общество перспективы осмысленной – не формальной – солидаризации.

Подобного рода проблема стоит не только перед нашей страной. Многие тенденции современности указывают на сложность того положения, в котором оказалось глобальное сообщество. Выход из него многие ищут посредством создания надгосударственных или межгосударственных институтов (Евросоюз, ЕврАзЭС, АСЕАН, УНАСУР, АС), позволяющих координировать воздействие на глобальные процессы, образуя региональные центры силы. Формой политического бытия, при которой наднациональные институты работали по-настоящему эффективно, была, как показывает история, империя. Отсюда – неподдельный интерес множества ученых – историков, политологов, социологов, философов – к проблематике имперского опыта существования государств. Вряд ли этот интерес угаснет в ближайшие десятилетия, учитывая актуальность поднимаемых тем.

Ряд исследователей использует понятие империи не только для описания прошлого или проектирования будущего, но и для характеристики российского настоящего. Так, утверждается наличие многих имперских черт у современной российской системы власти. Иногда это делается в отрицательном контексте, но далеко не всегда. Примечательны в этом отношении позиция директора Центра общественных наук при МГУ профессора Ю.М. Осипова: «Большая, может быть, сегодня, ослабленная, невразумительная, но ведь империя, ибо не империей такая страна быть просто не может, потому что не страна это, а целый мир: сложный, разнообразный, “суперский”». Здесь все супер, все сверх – что территория, что народонаселение, что общество, что цивилизация, что государство. Попробуйте охарактеризовать все российское в обычных, среднеразмерных и однокачественных терминах – ничего не выйдет, – так и захочется перейти на супер-, на сверх-, а потому, что тут спорить: имперскость России – онтологический факт!»⁶. В данном случае имперскость конституируется как неотъемлемый атрибут российского бытия. Быть собой для России, с этой точки зрения, означает быть империей: то есть быть большим Миром, в котором сосуществуют бок о бок отличные друг от друга миры. Речь, конечно, не идет о возвращении к имперской форме государственного устройства в том виде, каком она существовала прежде. Речь об империи, подвергнувшей-ся трансформации с учетом вызовов и условий текущего столетия.

Вопрос о соотношении имперской парадигмы развития и российской государственности – открытой вопрос. Окончательный ответ на него способна дать только история. В данной монографии представлен философский анализ имперской идеи; описаны факторы образования российского имперского государства, причины его краха в момент распада СССР, а также последствия отказа от имперской модели развития; дана характеристика модели национального государства и проекта его построения в России после событий 1991 года; показаны некоторые особенности русской гражданской культуры в их соотношении со смысловым полем имперских традиций. Надеемся, что данные материалы позволят читателю открыть для себя новые стороны в понимании отечественной истории и происходящего в настоящем.

⁶ Осипов Ю.М. Империя Россия // Философия хозяйства. 2005. № 6. С. 247–248.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ ИМПЕРИИ И ФАКТОРЫ ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ИМПЕРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Понятие и атрибуты империи

Существует обилие определений понятия империи, многие из которых настолько отличны, что возникает впечатление, что речь идет о разных вещах. Вряд ли это можно назвать случайным, учитывая то, что империя как исторический феномен – очень сложное явление. С точки зрения историка более справедливо было бы говорить об империях, то есть о череде государственных образований, принципиально отличающихся друг от друга, как по своему генезису, так и по ведущей идее (артикулируемой или неартикулируемой) своего существования, но в то же время, несмотря на различия, имеющих ряд схожих признаков. Для философа различия отходят на второй план, а то общее, что позволяет «имперскость» возвести до уровня философской абстракции, выходит на первое место.

Вокруг понятия «империя» сложилось немало мифов, одни из которых навеяны романтикой имперского прошлого, зачастую безмерно далекой от фактологической правды, другие страхом перед могуществом и размерами имперского государства, которое согласно этой мифологии «обязательно» нивелирует все самобытное и подавляет все независимое. К сожалению, мифологии не чужаются и крупные исследователи. Так британский историк, специалист по истории России, Д. Ливен пишет: «Империя по определению является антиподом демократии, народного суверенитета и национального самоопределения. Власть над многими народами без их на то согласия – вот что отличало все великие империи прошлого

и что предполагают все разумные определения этого понятия»⁷. Здесь признак, характерный для ряда государств имперского типа – власть над многими народами без их на то согласия – возводится в признак, конституирующий суть имперской власти. Если с первой составной частью предложения, описывающего данный признак, а именно *власть над многими народами*, нельзя не согласиться, то со второй его частью нельзя не поспорить. Можно ли назвать антиподом национального самоопределения акт добровольного вхождения Грузии в состав Российской Империи, импульсом для которого послужило обращение от 21 декабря 1782 года картли-кахетинского царя Ираклия II к Екатерине II с просьбой принять Грузию под свое покровительство? Или Переяславскую раду 1654 года, на которой всенародно было одобрено решение о присоединении территории Запорожского войска к Русскому царству и дана присяга на верность царю? Быть может, Д. Ливену, подчеркнем, *специалисту по истории России*, эти факты неизвестны? Но ведь примеры можно было бы продолжать, руководствуясь фактами не только из истории российского государства, но и из истории иных империй.

Наиболее расхожие мифы, сложившиеся вокруг данного понятия: это, во-первых, миф о том, что приобретение властью имперского характера неминуемо связано с возрастанием насилия в обществе, во-вторых, миф о том, что свободное волеизъявление народа и имперская власть несовместимы, в-третьих, миф о том, что политика империи всегда сопряжена с военной экспансией, в-четвертых, миф о том, что империя – пережиток прошлого и места в современности ей нет.

Остановимся кратко на последнем мифе⁸, поскольку он является наиболее распространённым в научной литературе. Даже если предположить, что в современности нет ни одного государства, для которого было бы справедливо употреблять термин «империя», из этого гипотетического факта логически не следует, что такое государство в принципе изжило себя. В истории достаточно примеров,

⁷ Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое изд-во, 2010. URL: <https://innermongolia.dirty.ru/imperia-istoria-i-sovremennui-mirovoi-poriadok-585078/> (дата обращения: 11.10.2015).

⁸ Опровержение этих мифов, выполненное в аналитическом ключе, можно найти в статье: Угрин И.М. Категория «имперского»: филос. анализ // Философия и культура. 2014. № 11 (83). С. 1584–1591.

когда империи возникали, казалось бы, из ниоткуда. Вспомнить хотя бы Великое Монгольское государство или Арабский халифат, расцвет которого пришелся на династию Аббасидов. Однако и само это предположение не выдерживает проверки реальностью. Два государства современности – США и КНР – империи⁹. США исследователи обычно характеризуют как империю нового или неформального типа¹⁰. Некоторые политологи ставят под сомнение «имперскость» Соединенных Штатов, к их числу относятся, например, Джозеф С. Най, американский политолог, развивающий идеи неолиберализма. Но можно ли подставить под сомнение имперскую природу китайской государственности? Разве не являет собой Китай классическую континентальную империю, со всеми атрибутами, присущими последней? Немаловажно заметить, что именно США и КНР обладают наиболее высокими показателями экономического роста. Китай – самая быстроразвивающаяся страна мира, и ни один фактор не предвещает ей гибели или распада. Как и в любом другом, внутри китайского общества существует немало проблем. На протяжении многих веков китайцы решали свои проблемы, сохраняя традиции государственности. Не отступают от них они и в современную эпоху.

Когда речь идет об атрибутах, присущих классической империи, что мы имеем в виду? Выше уже упоминался один из них – «власть над многими народами». В Древнем Риме за термином *imperium* закрепился вполне определенный политический смысл, который частично соотносится с современным понятием законного суверенитета. Рим претендовал на мировое господство, впоследствии эти претензии были подкреплены идеей универсальности христианской религии, и это слово стало обозначать власть, которая носит всеобщий характер или, вернее, стремится к такому. Конечно, эти претензии не нашли окончательного воплощения в действительности, и потому имперская власть стала восприниматься как такая власть, которая осуществляет господство над большими пространствами, в потенциале способная расширять

⁹ Некоторые аналитики дополняют этот ряд Евросоюзом. См. например: *Дзермант А.* Евросоюз на пути к империи // Евразия Эксперт. 2016. URL: <http://eurasia.expert/evrosoyuz-na-puti-k-imperii/> (дата обращения 18.11.2016).

¹⁰ От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред.: Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. М., 2005.

его и далее до тех пор, пока власть не объемлет собой весь мир. Можно было бы определить империю как «государство, простирающееся на большие пространства, населенные многими народами». Но достаточно ли будет такого определения для выявления специфики этого исторического феномена?

Видный российский историк А.И. Фурсов главным признаком имперскости полагает наличие «высокоцентрализованной высокоинституционализированной наднациональной структуры»¹¹ Многообразие и многосоставность населения, зачастую сопряженные с многоукладностью в хозяйственной сфере, делают необходимой централизацию и выстраивание жесткой вертикали власти. Вертикальные связи (центр-окраина или метрополия-периферия) в империи, как правило, преобладают над горизонтальными (окраина-окраина, периферия-периферия). Это позволяет координировать жизнь народов, обладающих разным историческим опытом, разными традициями и культурой. Непосредственное взаимодействие между этносами, чуждыми друг другу культурно, всегда проблематично, но наднациональная структура власти в состоянии организовать их, не посягая на самобытность культуры и не подавляя традиционный образ жизни. Равно и организация единого экономического пространства оказывается невозможна без руководящей роли центра, который в империи выступает в роли главного субъекта хозяйственных отношений и главного собственника (в пределе: царь – владелец всей земли).

Организуя жизнь поликонфессионального и поликультурного населения, имперская власть привносит культуру наднационального порядка. В том случае, если ей это удастся, народы оказываются вовлечены в ареал единой цивилизации. Акцентируя внимание на важности цивилизующего начала, В.К. Кантор определяет империю как «политико-общественное структурное образование, предназначенное историей для введения в подзаконное и цивилизационное пространство разноплеменных и разноконфессиональных народов»¹². Введение в цивилизационное пространство, так

¹¹ *Фурсов А.И.* Будущее российской цивилизации: Нация? Цивилизация? Иное? // Российская Федерация сегодня. 2011. № 6. URL: <http://www.pu.virmk.ru/aktual/MNENIE/authors/fursov.htm> (дата обращения: 15.04.2016).

¹² *Кантор В.К.* Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. М., 2008. С. 19.

же, как и привнесение наднациональной культуры, для имперской власти становится возможным благодаря наличию ценностей и смыслов универсального характера. Эти ценности и смыслы выражаются в комплексе идей, которые составляют основу имперской идеологии. Наличие идеологии – религиозной или светской, в зачаточном или развитом виде – также является одним из признаков государства имперского типа.

Определение империи через функциональные и структурные принципы дается в работах В.Н. Шевченко. Всего перечисляются четыре ключевых принципа. Первый – принцип многообразия, о котором нами уже было немного сказано, означает наличие достаточной доли самостоятельности у народов, подчиненных имперской власти в культурной, правовой, национальной и административно-политической сферах. Он дополняется принципом централизации, единоличной верховной власти, которая позволяет многообразию существовать, выступая гарантом неприкосновенности автономии. «Если идти сверху вниз, то в управлении империей нарастает многообразие, если идти снизу вверх, то идет ограничение многообразия. Нет одного без другого. Имеет место двуединство принципа иерархии и принципа автономии в отношениях Центра и региона»¹³. Третий принцип – принцип служения, который определяет отношение человека к имперскому государству. Служение Отечеству, согласно этому принципу, полагается смыслообразующим для жизни человека, а готовность пожертвовать собой ради общего блага естественной. Четвертый принцип – наличие универсальной идеи, объединяющей духовно. Само возникновение и существование империи обусловлено этой идеей и без нее империя обречена на распад. Определение империи, данное В.Н. Шевченко, является, пожалуй, наиболее полным из тех, что доводилось встречать в научной литературе.

Определяя империю через принципы, заметим, что они в своем гипертрофированном виде чреваты становлением явлений негативного порядка. Так принцип централизации обращается в самовластие, столь хорошо известное в истории нашей страны. Наличие высокоцентрализованной вертикали власти в своей идее не означает, что эта власть принадлежит одному лицу всецело и

¹³ Современные проблемы Российского государства. Филос. очерки / Под общ. ред. В.Н. Шевченко. М., 2015. С. 448.

что она не ограничена ничем, в том числе и нравственным императивом. Однако тип *самовластвования*, утвердившийся в царствование Ивана Грозного, подразумевал именно такую власть, при которой царь не несет ответа ни перед кем за те деяния и решения, которые он совершает и принимает. Духовные основы отношения к власти как к данной Богом, абсолютной и не дающей право на неподчинение ей, даже в том случае, если эта власть очевидным образом вступает в противоречие с установленными Богом же заповедями, имеет свои истоки в учении иосифлян (учеников и последователей Иосифа Волоцкого).

Принцип служения, доведенный до крайнего своего воплощения, превращается в подданничество, худшая из вариаций которого – *раболепное услужение*. Оно логичным образом дополняет самовластье, воля монарха – абсолютна и, следовательно, беспрекословно принимается его подданными. При таком повороте благо отечества и государства, служение которому является составной частью этоса жителя империи, незримо подменяется (не всегда, но довольно часто) сиюминутными интересами и желаниями самодержца. В том случае, если воля монарха направлена на решение государственных задач (как это было в случае с Петром Великим), такое беспрекословное подчинение способно сыграть положительную роль, обеспечивая исторический прорыв народа в новую эпоху. Однако самодурство (в лице, например, Павла I) оказывается в конечном итоге губительным для крепости власти и самого самодура-царя.

Имперская идеология способна обратиться в жесткую систему нерушимых догматов, всякое отклонение мысли от которых преследуется и наказывается. Имперская идея как идея универсальная всегда абстрактна и утопична в своей перспективе. Утопичность ее не носит отрицательного характера, поскольку она призвана задать идеал, который обеспечивает историческое движение. Осуществление идеала в обозримые сроки невозможно, так же, как и невозможно достижение совершенства человеком в отведенный ему отрезок земной жизни. Однако во что превратится человек, не имеющий идеального, не стремящийся к совершенству? Так и общество, стремясь к совершенству, обретает новые качества, никогда вполне совершенством не овладевая. Однако в том случае, если идеальное стараются вместить

в «прокрустово ложе» конкретного, не различая задач смыслообразующих и задач прагматических, которые нет нужды возводить в ранг стратегических, тогда эта подмена приводит к чрезмерной ригидности имперской идеологии. Н.С. Хрущев, заявивший о построении коммунизма к 1980 году, осуществил именно такого рода подмену, дискредитировав саму идею коммунизма, опошлив ее и низведя до уровня среднесрочного плана. Имперская идеология оказывается устойчивой и жизнеспособной в том случае, если, не меняя своего ядра, базового идеала, она меняется со временем, развивая отдельные идеи и дополняя или отрицая те или иные положения в соответствии с изменениями в политической ситуации и идейно-духовной сфере жизни.

Описанные «уклоны» принципов имперской государственности не позволяют говорить о том, что данные превращения неизбежны или, тем более, что они составляют сущность имперскости. Самовластье, рабская покорность и косность мысли – явления, присущие не только империям, но и государствам самого разного типа, они имели место в обществе со времен доисторических племен и сохраняются в современности, что несложно увидеть на примере Саудовской Аравии или Северной Кореи (оба эти государства, разумеется, к категории империй отнести нельзя). Опровергая мифы, рисующие империю как «безусловное зло», но и не наделяя принципы имперской государственности качеством «безусловного блага», сохраняющимся в любых исторических обстоятельствах и трансформах, постараемся дать взвешенное определение этому понятию. *Империя – это высокоцентрализованное государство, организующее посредством универсальных идей и норм большие пространства, населенные народами с различной культурой.* На этом определении мы остановимся и, с опорой на него, будем продолжать наше исследование.

Имперская идея: философский анализ

Модель государственности, соответствующую приведенному определению империи, взятую за образец для воплощения ее в конкретной исторической действительности, мы называем *имперской парадигмой* (греч. *paradeigma* – пример, образец). Трансформация

государственности или сохранение ей состояния статус-кво равно предполагают свою легитимизацию. Легитимизация имперской парадигмы выражается в имперской идее, которая предстает в различном виде в коллективном сознании того или иного общества, сохраняя, пусть иногда и в искаженной форме, свою суть.

Для того, чтобы отличить имперскую идею от идей другого рода, рассмотрим содержание понятия «империя» в сравнении с сущностью содержания идеологий, получивших наибольшее распространение в XX веке. Эти идеологии: либерализм, национализм и социализм.

Либерализм ставит во главу угла категорию права как универсального регулятора человеческих отношений. Для него на первом месте стоят права индивида. Это высшая ценность, которая имеет довлеющее значение над всеми остальными. Распространение либеральных идей¹⁴ позволило человеку выступить в качестве личности, независимой в своих суждениях, предпочтениях и поступках от социума, государства и церкви. Право позволяет быть независимым, эта независимость дает ощущение свободы (лат. *liberalis* – свободный). Свобода для либерала – это, прежде всего, свобода индивида, его забота есть забота о защите индивидуального, частного. Интересы индивида в либеральной идеологии превалируют над остальными.

Либерализм фокусирует внимание на частном, и в том заключаются его как сильные, так и слабые стороны. За чрезмерную индивидуализацию жизни критикуют либерализм его оппоненты. Одними из первых критиков стали националисты, которые высшей ценностью полагали нацию. Они указывают на непреходящее значение «общего», которое в данном случае отождествляется с национальным, вне которого индивидуальное не способно реализоваться. Человек, по их мнению, существо социальное и приверженность идее общего блага того социума, в котором он находится, естественна для человека. Кроме того, согласно этим воззрениям, именно национальная культура определяет душевный склад человека и вне национального человек несостоятелен. Интересы нации для сторонников этой идеологии первичны.

¹⁴ Датой всемирного торжества либерализма следовало бы назвать 10 декабря 1948 г., когда Генеральной Ассамблеей ООН была принята «Всеобщая декларация прав человека».

Социализм вводит понятие класса как социально-экономической общности. Так же как и национализм, он критикует либерализм за неумение разглядеть за частными интересами интересы широких групп и слоев населения. Однако главной социальной структурной единицей он полагает не нацию, а класс. Идеологи социализма показывают, как представители разных наций, но одного класса, равно угнетаемы со стороны господствующего класса – буржуазии – и доказывают, что интересы угнетенных – пролетариев – совпадают независимо от национальных ограничений. В осознании общности интересов пролетариата зиждется фундамент идеологии интернационализма. Социализм апеллирует к классу, но цель его – построение бесклассового общества. В перспективе коммунизм – дело всего человечества, но в настоящей реальности интересы угнетаемого класса должны быть учтены в первую очередь.

Если взглянуть внимательно в сущность каждой из идеологий, то нетрудно заметить, что они не являются «непримиримыми врагами во веки вечные». Интересы индивида не всегда противоречат интересам нации, точно так и интересы класса вполне могут совпадать с интересами конкретного человека. Исторически либерализм шел рука об руку с национализмом. Все современные европейские государства имеют в основе либерально-национальную идеологию. Союз либерализма и национализма возник еще в ходе первых двух великих демократических революций – американской и французской. Во многом правы социалисты, когда они утверждают, что буржуазия была заинтересована в становлении идеологии национализма. Но и сам социализм очень часто имеет национальную окраску. Социализм в Латинской Америке¹⁵ почти всегда сочетается с лозунгами национал-патриотического пафоса. Также нет принципиальной несовместимости между либерализмом и социализмом¹⁶. Ведь изначально социализм – развитие тенденции

¹⁵ Об истории развития социалистических идей в Латинской Америке см.: *Строгонова Е.Д.* Идеи социализма в Латинской Америке // Латинская Америка. 2009. № 12. С. 43–59.

¹⁶ Одна из попыток совмещения идей социализма и либерализма видна в истории русской мысли, см.: *Пантин И.К.* А.И. Герцен: начало либерального социализма // *Вопр. философии.* 2006. № 3.

«освобождения» человека, либерализм «освобождает» индивида от диктатуры государства и церкви, социализм видит задачу в «освобождении» человека от экономического рабства и уз отчужденного труда. И в этом смысле интересы класса есть также интересы эксплуатируемого индивида. Все три классические идеологии находятся в сложных взаимоотношениях друг с другом, которые нельзя свести к антагонизму, но которые, безусловно, и далеки от идиллии.

Интересы (индивида, нации или класса) могут интерпретироваться и интерпретируются очень по-разному. Разные социальные группы и лица придерживаются и отстаивают те интерпретации, которые кажутся им либо наиболее «правильными», либо наиболее выгодными в данной ситуации. В сплетении и преломлении идей либерального, националистического и социалистического толков, в их столкновениях и компромиссах, спекуляциях на них или честного служении им (что случается реже) рождается пространство реальной политики, в которой побеждает тот, чья интерпретация оказалась наиболее убедительной и доходчивой с точки зрения восприятия масс.

В каком отношении к этим идеологиям находится имперская идея? Прежде всего, следует сказать, что империи возникли гораздо раньше появления массовых идеологий. Они возникли раньше, но не исчезли в Новое время. Модернизация западных сообществ происходила одновременно с развитием империй колониального типа¹⁷. Большая часть ресурсов, за счет которых европейские государства форсировали экономический прогресс, были добыты в колониях. США не имели колоний, но они вплоть до 1865 использовали рабский труд (наследство британского колониализма), который обеспечивал значительную часть их национального богатства. Империей США станут позже – в XX веке. Колониальные империи служили национальным интересам метрополий (которые совпадали с интересами национальной буржуазии), национализм – главный союзник колониализма. Обильно питая националистические настроения, европейские державы вели соревнование за ресурсы и «зоны влияния» национального капитала. Эта борьба и порожи-

¹⁷ В списке колониальных империй: Британская, Французская, Голландская, Испанская, Португальская, Бельгийская, Германская, Итальянская, Датская, Шведская.

ла Первую мировую войну. Такой тип идеологии, совмещающий имперские амбиции и национализм, правильно было бы назвать империалистическим национализмом.

Россия в принципе формировалась иначе, чем колониальные империи Запада. Присоединенные к ней территории не выступали в качестве доноров для центральной части. Россия – континентальная империя. Она не выстраивала отношения между народами по принципу вертикальной иерархии, согласно которому один народ (или этнос) главенствует над другими. Она наследует от Византии традиции этнополитики. Как и в Византийской империи, выходцы из различных этносов имели одинаковые¹⁸ права и обязанности (разница была обусловлена сословным, а не этническим параметром) и были представлены как во властных структурах (в случае принятия православия), так и в среде интеллектуальной элиты. Имперская власть в России была заинтересована в мире и согласии между народами и не заинтересована в том, чтобы вновь присоединенный народ чувствовал себя ущемленным. Для континентальной империи методы насильственного навязывания унифицированных законов и правил присоединенным народам неэффективны и с точки зрения сохранения политической стабильности, и с точки зрения экономической целесообразности: такие методы приводят к снижению производительности труда по империи в целом. Существенное отличие России от европейских колониальных империй не позволяет ставить их в один ряд.

Тезис о различиях между колониальными и континентальными империями хорошо проиллюстрирован в таблицах, составленным историком С.А. Зотовым и приведенным в коллективной монографии «От миропорядка империй к имперскому миропорядку»¹⁹. По всем шести представленным в таблицах признакам Россия относится к империям континентального типа.

¹⁸ Отдельные ограничения распространялись только на еврейское население.

¹⁹ От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред.: Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. М., 2005. С. 10.

Таблица 1

Тип империи	Колониальный	Континентальный
Механизм формирования	Прямой захват или установление протектората над заморскими землями, подчинение небольшой по площади метрополией громадных территорий	Присоединение захваченных земель к коренной территории, создание единого территориального массива, внутренний характер колоний
Отношения центр – периферия	Господствующая нация – «нецивилизованные» народы заморских колоний; неравенство населения метрополии и периферии (обособление метрополии от колоний)	Господствующая нация – национальная окраина; фактическое равенство населения метрополии и периферии перед законодательством метрополии/главой государства
Средства доминирования центра	Прямые и/или косвенные методы управления, экономическое и политическое подчинение, военная мощь, насильственная ассимиляция	Прямые методы управления, военная мощь, приспособление центра к местным традициям, культурная ассимиляция, хозяйственное освоение и развитие окраин

Таблица 2

Тип империи	Колониальный	Континентальный
Идеология	Цивилизаторская миссия избранного народа («бремя белого человека»)	Национальная имперская идея (преимущественно религиозного характера)
Мотивация имперской политики	Усиление мировых позиций национального капитала, распространение политико-культурных стандартов	Обеспечение безопасности центра, капитала, распространение политико-культурных стандартов

Реализация имперской политики	Колониальная эксплуатация во имя процветания метрополии	Укрепление безопасности (в первую очередь – военной) метрополии
--------------------------------------	---	---

Интересно, что авторы вышеназванной работы в особый тип «неформальной» империи выделяют США. Тезис о том, что порядок, насаждаемый этим государством в мире, справедливо называть «имперским», подкрепляется весомыми аргументами. «Основанием для использования такого определения может служить косвенное и прямое сходство многих его черт и структуры с внутренней организацией империй прошлого: существование мирового центра (метрополии) и периферии; единого экономического пространства и четко очерченной системы разделения труда; наличие глобальной иерархии государств и регионов мира, основанной на экономическом, научно-технологическом, военно-политическом превосходстве государств ядра системы над странами периферии; стремление Вашингтона к формированию более идеологически однородного мира; использование США и их союзниками военно-силовых средств для поддержания устойчивости и управляемости всей международно-политической системы»²⁰. США подобно европейским державам является национальным государством. Принципы неприкосновенности личных свобод и равноправия граждан перед законом, основополагающие для концепции «nation-state», оказываются реализованными только в ядре колониальных (равно как и «неформальной») империй. Колонии оказываются полностью подчиненными интересам метрополий в ущерб собственным, а их жители фактически остаются на положении бесправных²¹.

В России националистические идеи и действия появились лишь на закате империи перед ее распадом. Империалистический национализм – страсть Запада. И, на наш взгляд, это пагубная страсть. Сочетание имперского принципа и крайнего национа-

²⁰ От миропорядка империй к имперскому миропорядку. С. 17.

²¹ См., например: *Пеньков Д.С.* Развитие правового статуса личности в колониях Великобритании в XVII–XX вв.: Дис... кандидата юрид. наук. 2007. URL: <http://www.disserscat.com/content/razvitie-pravovogo-statusa-lichnosti-v-koloniayah-velikobritanii-v-xvii-xx-vv#ixzz4RLYKYna6> (дата обращения: 07.10.2016).

лизма, национализма в своей извращенной, античеловечной форме, породило фашистскую Германию. Ни одно из европейских национальных государств не в силах было противостоять ей. «Великая» французская армия продержалась чуть более месяца. Противостоять фашистской империи (Третьему Рейху) оказалась способна только советская континентальная империя. И одним из решающих факторов победы стал тот факт, что советская и фашистская идеологии были диаметрально противоположны²²; мечта коммунизма – всемирное братство, равенство и солидарность трудящихся поверх национальных границ, цель фашизма – устройство человечества по принципу тотального неравенства, деление всех на «избранных» и «недочеловеков». Это была не формальная противоположность, но противоположность по духу, по мироощущению и чувству высшего долга. Победа советского народа – одновременно победа русского духа.

Имперская идея может сочетаться с национализмом, равно как и с либерализмом, и социализмом. Вторая половина XX века прошла под знаменем борьбы двух сверхдержав – двух империй – за доминирование в мире. Первая империя – США – либеральная империя²³. Имперский проект – это проект мироустройства на универсальных основаниях. США такими основаниями полагают либеральные ценности. Их распространение и превалирование в глобальной культуре было и остается одним из приоритетных направлений американской политики. Номинально США последовательно защищают демократию и права человека во всем мире. Реально они, как и большинство европейских колониальных империй в свое время, защищают свои национальные интересы и покровительствуют продвижению национального капитала по преимуществу в лице транснациональных корпораций. СССР – социалистическая империя. Имперский пафос Советского Союза был в начале существования предопределен ориентиром на мировую революцию, которую должен был осуществить пролетариат – нарождающийся глобальный класс. Универсализм здесь проявляется в

²² Попытка привести их под общую рамку пресловутого «тоталитаризма», с нашей точки зрения, несостоятельна.

²³ В русский обиход термин «либеральная империя» был введен А.Б. Чубайсом в 2003 г. в канун парламентских выборов. В роли новой «либеральной империи» он видел Россию – лидера на постсоветском пространстве.

желании достичь общности интересов интернационального класса. Но, как показала история, интересы трудящихся в зависимости от их принадлежности тому или иному региону мира могут не совпадать или пониматься очень по-разному.

Как мы видим, «имперское» способно уживаться и с либерализмом, и с национализмом, и с коммунизмом (социализмом). Следовательно, представлять в конкретных обстоятельствах и меняющихся исторических условиях интересы индивида, нации или класса. Но что же составляет специфику «имперского»? Что позволяет отделить его от «либерального», «социального» и «национального»?

Империи рождались и умирали. Но, умирая, они оставляли после себя богатое наследие. Становление цивилизаций мира связано с империями. В лоне Римской империи зародилась западная цивилизация. Благодаря Арабскому халифату и Османской империи получил широкое распространение ислам, и в ареале его распространения образовалась жизнеустойчивая мусульманская цивилизация. Империя Мауриев позволила оформиться неповторимой индо-буддийской цивилизации. Китай – самая древняя империя мира – на протяжении нескольких тысяч лет сохраняет свою цивилизационную самобытность, и на протяжении более двух тысяч лет китайская государственность существует в имперской форме. Такие малоизученные империи как империя Ацтеков и империя Инков породили уникальные цивилизации, над загадкой которых бьются исследователи многих стран. Наконец, Российская империя служила опорой для русской православной цивилизации (если использовать терминологию А. Тойнби²⁴), которая в XX веке после революции трансформировалась в советскую цивилизацию.

Цивилизации имеют глубокую взаимообуславливающую связь с империями. ***Защита цивилизации, цивилизационной идентичности, культурно-исторического своеобразия – задача империи.*** Национальная культура локальна и потому не способна противостоять глобальной культуре, стоявшей у истоков той или иной цивилизации. Противостоять цивилизации способ-

²⁴ Н. Данилевский предпочитал говорить о славянском культурно-историческом типе, О. Шпенглер о русско-сибирской цивилизации.

на только иная цивилизации. В сфере властных отношений цивилизация чаще всего отливается в импероподобное государство. Из сказанного не следует, что всякая империя порождает свою цивилизацию. Скорее наоборот, цивилизация на определенной ступени своего развития обрастает плотью империи. Империя, в свою очередь, укрепляет и распространяет достижения цивилизации. Гибель цивилизации влечет за собой и гибель империи. Но не всякая гибель империи ведет к гибели цивилизации²⁵. Имперская идея обретает новую жизнь в XXI веке во многом из-за того, что эпоха ставит вопрос о том, как могут сосуществовать разные цивилизации бок о бок друг с другом, не теряя при этом своей независимости.

Но идея империи не детерминирована идеей цивилизации. В империи заложена тяга к всемирному господству. Отличительная черта имперского сознания – универсализм. Не любой универсализм – благо. Универсализм фашистского проекта мироустройства – несомненное зло. Не любая империя – благо. Но именно в имперской практике народами приобретает опыт наднационального единства. Иногда такое единство обретается в ущерб одних и в прибыль других – господствующих. Но не везде и не всегда. Единое человечество – давняя мечта. Путь к ней – это путь возобладания универсального над локальным. Защита цивилизации и отдельных народов от универсализма колониального типа, постулирующего разделение на «рабов и господ», от универсализма, ведущего к унификации и примитивизации культуры, – задача, которая под силу лишь государству импероподоб-

²⁵ Империя Наполеона, просуществовавшая всего 11 лет (1804–1815), дала новый толчок для развития всей европейской цивилизации. Последствия наполеоновских войн не терпят однозначных оценок. В.И. Ленин, касаясь этой темы, писал: «Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контрреволюционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. М., 1973. С. 5–6). Национально-освободительные движения имели во многом реакционный характер. Тем не менее, ценности Великой французской революции, защиту которых в начале войн декларировал своей целью Наполеон, продолжили жить на европейском пространстве и в конечном итоге восторжествовали над реакцией.

ного типа. Говоря гегелевским языком, империя – не самоцель, но средство в руках Истории²⁶. И положительная идея Империи приоткрывает завесу будущего.

Поскольку в наших рассуждениях мы сопоставляем имперскую идею с ведущими идеями, лежащими в фундаменте либерализма, социализма и национализма, то возникает лингвистический соблазн начать вести разговор об идеологии империализма. Мы сознательно не используем этот термин – «империализм» – во-первых, потому что не стремимся к тому, чтобы создать новую или воскресить старую идеологию; во-вторых, потому что за этим термином устоялось уже вполне определенное содержание. Впервые в научной оборот понятие «империализм» вводит Дж. Гобсон, он рассматривает его как «определенным образом обусловленную политику территориальной экспансии» (его работа «Империализм» вышла в 1902 году)²⁷. В марксистской традиции империализм понимается как одна из ступеней развития капитализма. Вслед за В.И. Лениным, написавшим в 1916 году работу «Империализм как высшая стадия капитализма», этот термин использовался исключительно в негативном ключе для описания колониальной политики капиталистических держав. В другом ракурсе, но в схожем ключе трактуется этот термин на Западе. В одном из энциклопедических словарей империализм определяется как «неравенство людей и территориальных отношений, как правило, в форме империи, основанное на идеях превосходства и практики доминирования, и использование расширенных полномочий и контроля одного государства или элит над другим»²⁸.

Положительная идея Империи, о которой говорится в данной работе, с империализмом в упомянутых выше смыслах имеет мало общего. Более интересной или, точнее сказать, ближе стоящей к

²⁶ Если верить Г.В.Ф. Гегелю, история есть самоосуществление Мирового духа. И в этом смысле вполне приемлемо диалектическое толкование исторического процесса осуществляемого, с одной стороны, свободными волеиями людей в их столкновениях, противоборствах и согласных устремлениях, с другой стороны, как происходящего независимо от тех целей, которые ставят перед собой люди, по велению воли Мирового духа.

²⁷ *Hobson J.A. Imperialism. A Study.* London: James Nisbet. 1902. URL: <https://www.marxists.org/archive/hobson/1902/imperialism/> (дата обращения: 13.10.2016).

²⁸ *The Dictionary of Human Geography (5th ed.).* Malden: Wiley-Blackwell, 2009. P. 37.

задаче нашего исследования является интерпретация империализма Н.А. Бердяева. Он пишет следующее: «В истории нового человечества происходит двойственный процесс – процесс универсализации и процесс индивидуализации, объединения в большие тела и дифференциации на малые тела. Национализм есть начало индивидуализации, империализм начало универсализации. В то время, как национализм склонен к обособлению, империализм хочет выхода в мировую ширь. Эти начала разнокачественны, но не исключают друг друга, они сосуществуют. Империализм по природе своей выходит за пределы замкнутого национального существования, империалистическая воля есть всегда воля к мировому существованию»²⁹. Если смотреть на империю с этой точки зрения, имперскость приобретает аксиологическую значимость, тогда становится понятным то ценное, что заключено в ней, и что обращает к ней сознания людей, ищущих метафизического оправдания существованию государства.

Империю есть стремление к выходу за пределы данного³⁰. В метафизическом ракурсе империя есть путь к запредельному из ограниченного. Метафизика империи – это метафизика просторов, огромных и необъятных, и одновременно это воля к организации бескрайнего пространства, привнесение в него начала порядка. Идея империи противостоит метафизике хаоса. Хаос – враг империи. Все империи были разрушены из-за нарастания хаоса: либо внутри самой империи, либо вне ее с последующей инъекцией хаоса внутрь тела империи, либо в сочетании того и другого. Миссия империи – обуздание хаоса. Имперская власть – усмиритель стихий, бессознательных и бесконтрольных, возникающих на бескрайних пространствах континента. Но положительная цель империй – не контроль за всем и каждым, она – в собирании многообразного и гармонизации непохожего.

²⁹ Бердяев Н.А. Национализм и империализм // Судьба России. М., 2010. С.160.

³⁰ Схожее определение дают А. Негри и М. Хардт в своей нашумевшей книге: «Идея Империи определяется прежде всего отсутствием границ: ее владычество не знает пределов» (Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ. М., 2004. С. 14.) Однако стоит учитывать, что концепт Империи они используют для описания глобального порядка, складывающегося в последние десятилетия. Их подход обусловлен теоретической задачей концептуализации именно этого порядка, а не «имперскости» вообще.

Рассуждая о взаимоотношениях содержательной сущности имперской идеи с ключевыми положениями разных идеологий, нельзя не сказать о ее связи с консерватизмом. Особенность этого направления политической философии заключается в том, что оно выражается в «исторически конкретной политической идеологии»³¹. В каждом конкретном обществе консерваторы защищают «свое», традиционное. При этом, если сравнивать, например, американский консерватизм XXI столетия и классический европейский консерватизм XIX века, то между ними гораздо проще найти множество принципиальных отличий, нежели идейную общность. С. Хантингтон констатировал: «Обнаружения консерватизма представляют собой просто параллельные идеологические реакции на сходные социальные ситуации. Содержание консерватизма по существу статично. Его проявления исторически изолированы и дискретны. Т. о., как ни парадоксально, консерватизм, будучи защитником традиции, сам существует без традиции. Консерватизм – это призыв к истории, сам без истории»³².

Консерватизм, в отличие от «идеационных» идеологий, как правило, не постулирует свой общественный идеал. Если же представления о таком идеале присутствует, то они связаны с прошлым и, следовательно, у разных народов они будут отличаться тем или иным образом. И все же есть нечто общее, что присуще консерватизму в любом из его вариантов. Это – защита порядка и традиционных ценностей. При этом, как уже было сказано, охраняемый социальный порядок и традиционные ценности исторически конкретны, и, значит, не могут быть сведены к общей формуле. Защита порядка – это то, что безусловно роднит имперскую идею в ее сущности с сущностью консерватизма. Но какого порядка?

Очевидно, что в странах, имевших имперское прошлое, и в особенности тех странах, в которых имперское прошлое составляло значительную часть ее истории, консервативный призыв к порядку вполне может совпадать с идеей имперского мироустройства. В то же время в странах, не имеющих наследия имперской культуры, имперское упорядочивание мира будет восприниматься, скорее, как угроза национальному бытию, в особенности в том

³¹ Поляков Л.В. Консерватизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. С. 288.

³² Huntington S. Conservatism as an Ideology // The American Political Science Review. 1957. No. 51. P. 469.

случае, если данная страна переживала периоды зависимости в статусе колоний или в форме протектората. В каких же случаях консервативная и имперская идеологии будут стоять максимально близко друг к другу?

Консерватизм защищает традиционные ценности. Империя стремится к защите универсальных ценностей, которые потенциально способны стать общими для всего человечества, но в реальности оказываются таковыми для территориально ограниченного (хотя и весьма масштабного) региона, границы которого, как правило, совпадают или почти совпадают с границами цивилизационного ареала. Следовательно, в том случае, если традиционные ценности данного общества совпадают с ценностями, способными стать универсальными или уже являющимися таковыми, консервативная идеология будет совпадать с имперской. И совпадала ранее в той или иной степени, что нетрудно наблюдать на примере бывших империй, в том числе и России.

Однако современность ставит этот вопрос несколько иначе. Повсеместно произошла трансформация традиционного общества, в некоторых регионах мира она не завершена, в других – обычно принято говорить, передовых – уже произошел переход к обществу постмодерна (постпосттрадиционному). Сами традиционные ценности уже не способны существовать в той форме, в которой они существовали ранее, до начала эпохи Модерна. Что вовсе их не отменяет. В современности нельзя не учитывать два необратимых процесса – процесс разрушения традиционных устоев и процесс глобализации, а также то обстоятельство, что в разных народах традиционные ценности отличались друг от друга разительно, взятые за образец некоторые из них сами по себе не способны стать глобальными, объединяющими все человечество. Сила консерватизма, на наш взгляд, заключается не в апелляции к прошлому, что имеет свое значение, но не определяющее, а в обнаружении вечного. «Консервативный традиционализм, – пишет один из современных сторонников консерватизма А. Анисин, – напротив, базируется на признании реального существования вечных ценностей, разумом опознаваемых, но разуму не подвластных, не подсудных»³³. Именно вечное может рассматриваться как

³³ Анисин А.Л. Консерватизм, его оппоненты и перспективы. URL: <http://www.pravoslavie.ru/324.html> (дата обращения: 06.04.2016).

универсальное. Обнаружение вечных ценностей, имеющих потенциал для того, чтобы стать глобальными в противовес антидуховным ценностям потребительской культуры, поиск их в традициях разных народов, но без стеснения рамками данных традиций, – в этом, на наш взгляд, заключается задача консерватизма в наступившую эпоху. Решение этой задачи позволит обновить и вновь актуализировать имперскую идею. И в то же время следует понимать, что защита традиционного порядка и ценностей, противоречащая логике глобального (не глобалистского!) развития, вряд ли сможет сочетаться с имперской идеей.

Универсализм – ключевой признак имперской власти. Империя, если хочет сохранить сама себя, вынуждена искать универсальные нормы и идеи, за счет которых возможно организовать народы, уже организованные как самостоятельные единицы на локальных принципах, то есть на принципах, выработанных в рамках локальной культуры. Поэтому имперская власть всегда сопряжена с культурой, которая несет внутри себя потенциал универсализма, преодоление локального через обращение к глобальному. Такая культура не должна противостоять локальному, отрицать его, ей следует возвыситься над ним, дать прообразы сверхнационального (то есть стоящего над – не «во вне»! – сферой национальной культуры), всечеловеческого. Империя ищет общечеловеческие ценности и общечеловеческое основание для своей власти. Империя – это не отчуждение от мира, не замыкание в себе, но включение мира в себя. Империя – это построение Мира миров³⁴. Такова суть имперской идеи – устранение противоречий между враждующими сообществами через согласованность их в превосходящей «их (локальную) правду» «правде Мира». И эта суть всегда была близка историческому призванию России, как она сама его понимала.

Факторы образования российского имперского государства

Империи образуются под воздействием множества факторов. Сложно бывает определить, какой из факторов стал решающим. Древние римляне стремились к могуществу. Это стремление ста-

³⁴ Авторство выражения «Мир миров» принадлежит М.Я. Гефтеру.

ло одним из главных мотивов создания ими обширной империи. Но многие народы жаждут могущества. Не многие создают империи, существующие на протяжении столетий. Успех римлянам обеспечили военные таланты и острый интеллект их представителей, а также удивительная способность к самоорганизации народа как целого. Каждая империя неповторима, и образование каждой из них предваряет множество предпосылок. Империя организует общество посредством принципов, стоящих над особенностями отдельных культурно-исторических территориальных образований. В этом ее сущностное отличие от национального государства. Национальное государство утверждает культурное своеобразие нации и через него утверждает свое бытие. Империя не отрицает культурного своеобразия народов, входящих в его состав, она вынуждена (независимо от причин, по которым она образовалась) подниматься «над» своеобразием отдельных народов. Только в этом «над» она способна утвердить себя, свое бытие, так же как национальное государство утверждает его в национальной культуре.

Каждая из империй решала эту проблему «над» по-своему. Мы не ставим перед собой задачи детального анализа и сопоставления всего количества имперских моделей, наша цель скромнее – выявить особенности российской имперской модели. Постараемся понять, почему именно в рамках имперской модели российское общество смогло добиться тех успехов, которые наличествовали в нашем прошлом, и какие внутренние противоречия привели к отрицанию ее самим обществом. В какой мере имперская модель соответствует нашему прошлому (то есть была ли она неизбежной?) и в какой мере она соответствует будущему (то есть какие «имперские» качества нужны российскому государству для эффективного его существования в XXI столетии)?

Географический фактор. Наличие огромных территорий и разнообразие природных ландшафтов.

Широта просторов всегда являлась отличительным признаком русского мира, и сложно сказать, она ли обусловила формирование русской ментальности или, наоборот, потребность русских людей в освоении новых мест и пространств привела к тому, что разные земли были собраны под одним началом. Так или иначе, Россия образовалась как единство непохожего и как согласование необъ-

ятного. Бескрайние поля и непроходимые леса, дремучая тайга и безжизненная тундра, великие горы, безмерные степи и непревзойденной красоты озера и реки, – все без исключения встречаешь на русских землях. Это разнообразие и отсутствие какой-либо силы, объединяющей и организующей природную стихию и необузданное своеволие кочевых народов, отлегло глубоко в сердце русского человека. Как связать столь далеко стоящее друг от друга? Как усмирить и примирить племена дикие и часто враждующие между собой? Нужна сильная власть – власть, покоряющая стихию.

Русскую власть делали такой те обстоятельства и условия жизни, в которых оказался русский народ. Чем шире земля, которой необходимо управлять, тем более тверда и крепка должна быть рука управляющего. Иначе стихия народной жизни выбивается из пределов, которые определяют порядок. Одно дело, когда идет постоянное тесное взаимодействие между соседями, живущими близко друг с другом, другое дело, когда расстояние между ближайшими соседями огромно. В первом случае рождается культура компромисса и создаются институты, закрепляющие процедуры общественного договора. Во втором случае сопряжение происходит через институты и ценности, стоящие «поверх» институтов и ценностей локальных сообществ. Пребывание разных народов на значительном расстоянии друг от друга позволяет сохранить им свою самобытность, свои правила жизни, свой уклад. Но ни один народ не может быть полностью изолирован от мира, и всегда остается проблема безопасности, которая особенно остро стоит перед народами относительно небольшими, но не желающими отказываться от своей автохтонности. Такие народы принимают имперскую власть как защитницу и порой сами добровольно идут под нее для того, чтобы избежать уничтожения и невыносимого давления со стороны силы, не готовой считаться с самобытностью данных народов. Так приняли власть Российской империи грузинский и армянский народы, которые она спасла от гибели.

Полиэтничность. Большое количество разных народов и народностей, населяющих подконтрольные и присоединяемые территории.

Вовлечение разных народов в русло общего дела, согласование их деятельности и жизни между собой – вот первоочередная задача имперской власти. Те империи, которые действуют с опорой

на силу и только силу, подчиняя и не давая возможности этносам к самостоятельному приложению энергии, в конечном результате наносят вред самим себе. Имперское строительство требует глубокого понимания особенностей развития негосударствообразующих народов. Перед империями всегда встает вопрос учета интересов многих. Колониальные империи решают этот вопрос просто. Они исходят из интересов метрополии как первостепенных. Но и в этом случае они приносят часть своих достижений в колонии хотя бы ради эффективности работы последних на интересы метрополии.

Россия никогда не была колониальной империей, ей было это невыгодно. Не была она колониальной империей и в силу влияния нравственных императивов православия, для которого не приемлем пафос разделения на «эллинов и иудеев». Пример западных государств показывает, что возможно совмещение уничтожительного отношения к «дикарям» и формального исповедания христианства. Но это на их совести. Важно подчеркнуть, что проблема империи для России и европейских государств (которые в большинстве своем прошли через стадию «колониального империализма») стоит совершенно по-разному по причине принципиального отличия в генезисе русской имперскости и западного империализма.

Поликультурность. Культурное своеобразие этносов и племен, входящих в состав России; соседство рядом друг с другом людей, исповедующих разные веры и убеждения.

Разные культуры, сообщаясь, дополняют и обогащают друг друга. Взаимодействие культур имеет взаимный, благоприятный эффект, но только в том случае, если одна из культур априори не ставится выше других. Российская культура многоцветна. Культура славянских народов, обогатившись православной культурой, позаимствованной из Византии, развивалась в тесном взаимодействии с культурой угро-финских и тюркских народов. Ислам стал неотъемлемой частью российской действительности уже с XVI века. В XVIII веке указом Елизаветы был официально признан буддизм. Народы Сибири сохраняли свои верования на протяжении длительного времени, и некоторые представители их придерживаются традиционной веры предков до сих пор. Сохранить разнообразие позволяли открытость русской культуры для культур иных и терпимое отношение к другим народностям даже тогда, когда была видна их отсталость. Любимым словом Пушкина было слово «просвещение». Не покорять мечом, но

просвещать, – так строится взаимопонимание, ведь просвещающий часто вынужден учиться у просвещаемого. Взаимопроникновение культур рождает новую культуру, отражающую общие человеческие ценности поверх видимых различий. В этом отношении опыт России похож на опыт Индии, в которой на протяжении веков сосуществуют друг с другом разные веры и культуры, но которая, тем не менее, сохраняется как цивилизационная единица нерушимой. Это происходит во многом благодаря той стратегии, которой придерживаются видные философы, религиозные и общественные деятели индийской республики (среди них Рамакришна, Вивекананда, Махатма Ганди, Шри Ауробиндо, Сарвепалли Радхакришнан, Сатъя Саи Баба и др.). Суть этой позиции в том, чтобы показать общие основания разных религиозных учений, не отдавая приоритета какому-либо одному из них. Богопознание признается ими как процесс абсолютно необходимый для каждого человека, но не утверждается наличие одного «правильного» пути, разные религии признаются разными путями к одному Богу, одной истине. Для Индии, страны традиционно религиозной, такой подход позволяет избежать накала религиозных страстей и конфронтации.

Стремление к универсальным ценностям характерно и для русской культуры. Советский период демонстрирует попытку выработки таких ценностей, подходящих всем без исключений народам вне зависимости от их исторического прошлого, на нерелигиозной светской основе. Борьба с религиями, если рассматривать ее в данном контексте, тоже вытекала из стремления к универсализму, ведь если атеизм содержит в себе истину, а истина одна, то все должны «узнать» эту истину. Это прямолинейное и грубое, но все-таки отстаивание универсального. Наука (научный атеизм тем паче) не способна заменить собой религию, теперь это очевидно. Но в русской культуре не исчезла тяга к универсальным ценностям, стоящим «над» различиями, не нивелирующих, но объясняющих и примиряющих их. Сосуществование разных культур и конфессий в одном государстве подталкивает ищущих в этом направлении и создает почву, на которой могло бы прорасти дерево цельного знания и целокупной культуры.

Такая задача всегда стояла перед Россией. Освоение огромных евразийских пространств, согласование жизни населяющих эти пространства народов и формирование универсальной культуры,

духа «всемирности», взаимопомощи и дружбы, – это не отдельные задачи, но одна задача, и не просто задача, а миссия. Как пишет известный русский философ и публицист Г.П. Федотов, у «России особое призвание. Россия – не нация, но целый мир. Не разрешив своего призвания, сверхнационального, материкового, она погибнет как Россия»³⁵.

Военно-геополитический фактор. Постоянное противостояние внешним врагам и противодействие угрозам, исходящим от них.

Огромное значение для формирования российского государства имели не только внутренние, но и внешние обстоятельства. Россия (во многом вследствие ее больших размеров) оказалась закована в тиски весьма агрессивных соседей. Победа России над ордынцами, преодоление трехвекового ига, предопределили судьбу ее как государства не только европейского, но и азиатского. Во многом это противостояние сформировало особый тип русской власти. По мнению А.И. Фурсова: «Русская власть есть русский православный ответ на евразийский степной вызов, его укрощение, интериоризация посредством создания принципиально новой, революционной по сути формы власти»³⁶. Восток пришел к России сам. Пришел с войной и напористо подчинил себе раздробленные княжества. С запада наступали тевтонские рыцари, которых, к счастью, стараниями Александра Невского и его соратников удалось отбить. Выйти из-под гнета Орды, обрести свободу, стать независимыми для русских стало возможным только через преодоление междоусобных разногласий перед лицом общего врага, через подчинение их одному центру, которым стала Москва. Процесс консолидации общенародных сил шел небыстро, но он шел. И преодоление силы Востока обрело для России характер включения Востока в себя. Восток пришел к России сам, но после – Россия пошла на Восток.

Постоянные войны, которые велись Россией как с европейскими государствами (в разные времена с Литвой, Польшей, Швецией, Англией, Францией, Австро-Венгрией, Германией), так и с южными соседями (с Турцией и Персией), породил особый тип управления и экономического развития, который можно назвать *моби-*

³⁵ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991. С. 192.

³⁶ Фурсов А.И. Русская власть, история Евразии и мировая система: mobilis in mobile (социальная философия русской власти) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. М., 2008. № 6. С. 27.

лизационным. Так же как Россия в силу необходимости собственного выживания включила Восток в себя и тем положила начало строительства имперского государства, так же и выход в Европу (пресловутое «окно» Петра Великого) был обусловлен необходимостью выживания. В эпоху Петра главный аргумент международный политики – это армия и флот. Он прекрасно это понимал и бросил все усилия на то, чтобы сделать русский аргумент весомым. Включение части восточноевропейских земель (Прибалтики, Западной Украины, Польши и Финляндии) в состав России было продолжением движения России на Запад. Но это движение было единственным противодействием движению Запада на Россию. Альтернативы были таковы: либо мы включаем часть Европы в себя, либо Европа в лице конкретных государств включает западные территории России в свой состав и использует их в своих интересах (а как жило украинское население под пятой поляков хорошо известно).

Россия могла защищаться и отстаивать свои интересы только как империя. Об этом часто забывается. Перманентное противостояние вынуждало концентрировать силы в одном фокусе. Централизация власти была обусловлена как внутренним фактором обширности подконтрольных пространств, так и внешними угрозами со стороны других государств, стремящихся отхватить часть территорий. Общеизвестно, что война требует мобилизации сил и ресурсов и единого полномочного центра управления мобилизованными силами и ресурсами. Если страна постоянно находится в состоянии войны, то принципы мобилизации и централизации начинают обрести статусом неприкосновенности. Россия воевала постоянно, от полномасштабных она плавно переходила к малым войнам, также требующим немалых затрат сил. Не прекращалось освоение новых земель, продвижение на которые без армии немислимо. Периодически раздираемое внутренними смутами, государство бросало войска на их подавление. Короткие периоды передышки воспринимались именно как передышка до очередной мобилизации. Это наложило отпечаток на весь характер развития российского общества. Оно происходило рывками: от мобилизационного прорыва до «отдыха» или «срыва», после новый прорыв, за которым опять стагнация или спад. Своеобразная зигзагоподобная линия истории стала роковой для нашей страны.

Экономическая целесообразность. Особые исторические, географические (в том числе климатические) и геоэкономические условия, в которых находилась Россия, предопределили особый тип устройства ее хозяйства.

Для описания этого типа экономики известный ученый О.Э. Бессонова использует термин «раздаточная»³⁷, конституируя ее принципиальную отличность от экономики рыночного типа. «Ее суть состоит в использовании институциональных механизмов “сдачи-раздачи” для выживания социума в жесткой природно-ресурсной среде, закрепленных в отношениях власти с народом через механизм административных жалоб и в ценностной ориентации большинства населения на сильное служебное государство»³⁸. Преобладающей формой собственности в экономике раздаточного типа является *общественно-служебная собственность*. Ее отличает то, что право на владение и использование этой собственности распределено между всеми хозяйствующими субъектами и не принадлежит в полном объеме никому³⁹. Доступ к использованию этой собственности осуществляется в форме службы. Принцип служения, как мы помним, один из базовых принципов имперской государственности. Этот принцип действовал в России (как дореволюционной, так и советской) не только во властных, но и в трудовых отношениях. Служебная организация труда накладывает на всех участников трудового процесса обязанности выполнения определенных функций в интересах всего общества. В роли института, который обеспечивает выполнение этих обязательств, выступает государство.

Государство же обеспечивает функционирование двух ключевых институтов в этой структуре – института «сдач» и института «раздач». Объектами раздач становились разнообразные виды материальных и нематериальных объектов: земля, жилье, деньги, рабочая сила, услуги и продукты. Раздаются не только сами объекты, но и объем прав по их использованию. Институт раздач удовлетворяет материальные потребности социума как единого

³⁷ См.: Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М., 2006.

³⁸ Бессонова О.Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М., 2015. С. 18.

³⁹ Там же. С. 19.

организма, а также отдельных его представителей (в первую очередь находящихся на государственной службе). Институт раздач дополняет институт сдач, последний позволяет аккумулировать материальные блага и ресурсы для последующего распределения их через институт раздач. Можно перечислить следующие характерные виды сдач: натуральные и (или) денежные сборы с трудоспособного населения, выполнение «повинностей», т. е. обязательный труд на общество, государственная служба по управлению хозяйством, военная служба⁴⁰. Обратную связь между участниками раздаточной экономики обеспечивает институт административных жалоб, который позволяет координировать потоки «сдач-раздач», приводя систему в равновесие и ликвидируя возникающие диспропорции.

Такая экономическая модель способна существовать только в обществе, в котором возобладали принципы служения и централизации власти. Эти принципы являются одновременно и принципами функционирования имперской государственности. Следовательно, формирование «раздаточной» экономической модели шло в истории нашей страны одновременно с формированием государственности имперского типа, оба эти процесса взаимно обуславливали и взаимно дополняли друг друга.

Самодержавные традиции русской власти (которые были унаследованы отчасти от Византии, отчасти от монгольской Орды, отчасти сформировались как ответ на вызов внутренних противоречий и междоусобиц).

Институт самодержавия служил каркасом для мобилизационной и централизованной системы. Мы не даем оценок самодержавию как явлению, лишь указываем на тот факт, что в конкретных исторических условиях этот институт выполнял свою роль. После крушения института самодержавия его место занял институт генерального секретаря партии, который поддерживал в сущности ту же систему, предельно централизованную и предельно мобилизационную. Пожалуй, в сталинский период оба эти принципа достигли своего апогея. Достигла апогея своего могущества и российская империя, представленная в ином виде. После апогея начался спад,

⁴⁰ Бессонова О.Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. С. 26.

откат назад. Исторические условия изменились, предельная мобилизованность и чрезмерная централизация стали не только вредны в своих отдельных аспектах, но и неэффективны с точки зрения решения текущих проблем.

Однако полный отказ от централизации равносителен смерти государства. Во-первых, угрозы, исходящие со стороны «добрых» соседей, никуда не исчезли, хотя ядерный потенциал позволяет сдерживать их от прямого военного вмешательства. Во-вторых, внутренние проблемы нашей страны во многом все те же, и другого субъекта, способного их решать, помимо централизованного государства нет. Конечно, внутренние проблемы не могут быть решены исключительно за счет государства и через государство. Но не могут быть они решены и в антигосударственном ключе. Сильная сконцентрированная сверху власть – неперемный атрибут российского государства не потому, что она (такая власть) хороша по определению, но потому, что это работающий механизм, единственно продуктивный в наличествующих условиях. Прежде чем задуматься о том, как трансформировать этот механизм, следует научиться осознавать то, в каких обстоятельствах он возник и какие обстоятельства (насколько они отличны от первоначальных) определяют его устойчивость сегодня.

Рассуждая о жизнеспособности российского государства, В.Н. Шевченко пишет: «Первый и главный критерий его жизнеспособности – это вопрос о природе российской государственности, ее онтологической сущности, матрице и степени соответствия ей конкретно-исторических форм Российского государства. Чем больше здесь соответствия, тем более прочным и дееспособным оказывается государство, и наоборот. Распад, т. е. неуправляемая дезинтеграция государства, а такое не раз случалось в истории (только в XX веке Россия пережила две национальные катастрофы), означает, что государственная власть не просто совершила ошибки, это всегда как-то поправимо, она действовала вопреки глубинной, метафизической природе государства»⁴¹. Метафизическая сущность, о которой идет речь, была выкристаллизована в ходе длительного исторического процесса, она стала частью истории, и она сама есть история. Нельзя пойти

⁴¹ *Шевченко В.Н.* К методологии жизнеспособности российского государства // Российское государство: опыт филос. прочтения. М., 2012. С. 320.

против истории и одержать верх над ней. Все новое, творческое и продуктивное корнями своими уходит в историческую почву жизни народов.

Метафизика российского государства сопряжена с метафизикой простора, раскинувшегося на огромные расстояния. Государство стремится объять это пространство, войти в него и сделать его единым. Российское государство идет из центра к окраинам и возвращается назад, замыкая их на центр. Оно стремится организовать стоящее друг от друга в необозримой дали и задать общие правила для совместной жизни сообществ, уже имеющих правила, определяющие обустройство их внутреннего пространства. Центр российского государства в метафизической своей ипостаси есть центр пространства, сотканного из относительно самостоятельных пространств. Он должен удержать эти пространства в одном и оказывается способен сделать это только через укрепление и развитие вертикальных связей.

Противоречит ли централизм идее демократии? Всегда ли утверждение демократических начал сопряжено с децентрализацией? Верно, что централизм без демократии пагубен, чреват бюрократизмом и самодурством. Но демократия без ответственной и крепкой власти выливается в охлократию и разгул низменных страстей масс. Хаос враждебен свободе. За разбродом и безначалием следует, как правило, установление очень жесткого режима правления. Особенно это характерно для государств, где существуют длительные традиции централизованного управления всеми процессами, происходящими в стране. Неслучайно Лениным был сформулирован принцип «демократического централизма». Сама идея такого принципа организации появляется не с Лениным, задолго до марксизма вообще. Русское казачество всегда жило, руководствуясь этим принципом. Атаман был избираем казаками и строго подотчетен им. Но после избрания и вплоть до избрания нового атамана казак должен был беспрекословно подчиняться главе войска и станицы, и атаман имел право взыскивать с казака за непослушание «по полной». Подобным образом организовывались и некоторые другие русские общины, например, староверческие. В умах людей этот принцип организации распространялся на все государство.

Защитники монархизма усматривали в монархе выразителя народных интересов, «строного, но любящего отца». Самый известный апологетический труд русского монархизма принадлежит перу И.Л. Солоневича и носит название «Народная монархия». Народная монархия – это красивый миф, от прозы исторической действительности бесконечно далекий. В реальности всегда существовал перегиб в сторону централизма в ущерб народности и демократии. Но выход из этого положения видится не в том, чтобы впасть в иную крайность, склониться в сторону ослабления и дефункционализации центра. Выход заключается в достижении равновесия между демократическими элементами и вертикалью власти. Демократическая власть может быть одновременно и централизованной, сосредоточенной, в особенности, если этого требуют задачи, стоящие перед ней. А в России только такая власть бывает плодотворной.

Евразийский характер российской цивилизации. Совмещение в географическом, бытовом, социальном, политическом и духовном пространствах стихий двух миров – Востока и Запада.

Соединение разнообразного в одно целое – вызов, стоящий перед наступившим веком. Процесс глобализации, как бы к нему ни относились, будет идти. Но в каком направлении? Ответ на этот вопрос не предreshен. России удавалось на протяжении столетий соединять в себе непохожее без нивелирования своеобразия включаемых элементов. Не ценен ли этот опыт особенно теперь? Верно сказать, что Россия – это отдельная цивилизация. Но верно также и то, что русская культура не противоположна, а родственна европейской культуре. Россия не Европа – скажут многие. Но точнее сказать, что Россия – не только Европа. Безусловно, Россия – не часть Европы и никогда не войдет в нее как часть. Но Россия – Европа в том смысле, что Россия вобрала в себя многое европейское, столь существенное и так глубоко, что элементы европейской культуры стали неотъемлемой частью культуры русской. И отказаться от них не получится. Не только европейской, но и элементы восточных культур вошли в культуру русскую как неотъемлемая часть. И от них отказаться не получится. России никогда не быть только Европой и только Азией, потому что Россия – Европа и Азия вместе. Россия – Восток и Запад. На наш взгляд, контрпродуктивным является враждебное противопоставление российской цивилизации западной, но еще менее продуктивным является желание стать

частью западной цивилизацией, ибо стать ей для России будет значить вынуть из себя вторую свою половину. Наверное, не все ценности европейской цивилизации усвоены нами вполне, но они и не будут усвоены в той форме и том качестве, в котором существуют в западных странах. Они подвергнутся значительной трансформации, преломлению в свете российской духовности и ее традиций. Но не только ценности западной цивилизации не освоены нами полностью, о чем упоминается часто. Ценности Востока, его тайны, его мудрость также не открылись России до конца. А ведь Россия – это Восток⁴². Опять же – не только Восток, но Восток.

Один из ведущих факторов, определивших становление России как империи и как особой цивилизации⁴³, – ее местоположение (в географическом, геополитическом и геокультурном смыслах) между Востоком и Западом, или, точнее, как на Западе, так и на Востоке. Империи знал западный мир. Две из них (Наполеоновская и Третий Рейх) были уничтожены российской армией. Грандиозной империей возвышался столетиями на Востоке Китай. На южных границах в подбрюшье подпирала агрессивная Османская империя. Не быть империей для России в таких условиях значило не быть вовсе. Опясанная империями со всех сторон, она набирала силу и наращивала могущество. Но подлинное величие ее состоит не в обретенном могуществе, которое, как показали недавние времена, бывает внушительным снаружи, но весьма хрупким внутри. Подлинное величие России в том, что она смогла быть открытой для Запада и Востока, для Европы и Азии. Она боролась с ними, но она и вбирала их в себя. Так создавался особый мир, в котором уживаются холодная рациональность и религиозный экстаз, сентиментальное прекраснотушие и суровость, общинный труд и творчество гениальной индивидуальности, чувство личной неприкосновенности и понятие общего блага. Мир, вбирающий в себя лучшие светлые черты Востока и Запада, не проявлен еще в полной мере, это – перспектива. Но какая перспектива!

⁴² Интересно ставит вопрос о будущем Востока наш выдающийся историк В.О. Ключевский: «Азия просветила Европу, и Европа покорила Азию. Теперь Европа просвещает Азию. Повторит ли Азия ту же операцию над Европой?» (*Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории.* М., 1968. С. 305).

⁴³ Одно из интересных исследований, посвященных этой теме, принадлежит А.И. Уткину (*Россия и Запад: история цивилизаций.* М., 2000).

ГЛАВА 2. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРСКАЯ ВЛАСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Самодержавная власть во главе модернизации и вопреки ее сущности

На протяжении трех последних столетий эволюция российского государства связана с процессом, за которым закрепилось название «модернизация». Парадигма модернизации имеет свои истоки в общеевропейском пути развития, который начал обретать ясные очертания после эпохи Реформации. Модерн постулирует высшую ценность свободы и прав индивида, среди которых: право на жизнь, право на свободу передвижения, право на свободу совести и слова, принцип равенства всех перед законом, право на частную собственность. Эти и другие права утвердились в качестве общепризнанных не сразу, а в ходе длительной борьбы за их осуществление. Экономическим фундаментом для модернизации западного общества выступил капитализм. Капиталисты оказались заинтересованы в торжестве либеральных ценностей, среди которых присутствовала идея неприкосновенности частной собственности. Буржуа имели личную мотивацию для того, чтобы способствовать социально-политическому развитию общества. Она выражалась в желании сохранить неприкосновенность собственного капитала. Когда они такой мотивации не имели (то есть их капиталу ничего не угрожало), они выступали в роли реакционной силы, о чем свидетельствует ход событий революции 1848 год. Кроме того, капитал покровительствовал достижениям науки, так как успешность и конкурентоспособность капиталистического предприятия во многом зависела от его технического оснащения и качества выпускаемой продукции. Быстрый про-

мысленный рост шел в тесной взаимосвязи с ходом технологической революции. «Порох, компас, книгопечатание, – отмечает К. Маркс, – три великих изобретения, предваряющие буржуазное общество. Порох взрывает на воздух рыцарство, компас открывает мировой рынок и основывает колонии, а книгопечатание становится орудием протестантизма и вообще средством возрождения науки, самым мощным рычагом для создания необходимых предпосылок духовного развития»⁴⁴.

В России модернизационный процесс шел иначе, чем в Западной Европе. Там он вызревал изнутри, движимый органичным для своего времени капиталистическим укладом и трансформациями в культуре, цепь которых шла непрерывно со времен Возрождения. Политика в этом смысле «поспевала» за экономикой и культурой. Достижениям в политической сфере предшествовал слом старых ментальных установок и становление производственных отношений нового типа. В России же капитализм не был органично вписан в социальную реальность, капиталистические элементы насаждались со времен Петра Великого посредством государства в силу вынужденных обстоятельств. Наука, а с ней и новые веяния в духовной сфере, также были привнесены извне тем же самым Петром. В 1724 году император своим указом основал Академию наук. «По его проекту Академия существенно отличалась от всех родственных ей зарубежных организаций. Она была *государственным учреждением*; ее члены, получая жалование, должны были обеспечивать научно-техническое обслуживание государства»⁴⁵.

Фигура Петра I является ключевой для понимания той модели развития, которой придерживалась наша страна в течение последних столетий. Основным субъектом развития в этой модели выступало государство. Именно оно (вплоть до революций 1905–1917 годов) было главным инициатором проводимых реформ. Самодержавная власть находилась в таких условиях, при которых отчужденность от достижений западных стран, была чревата разгромом государства извне. Понимая угрозу военного поражения и

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 47. М., 1973. С. 418.

⁴⁵ Осипов Ю.С. Академия наук в истории Российского государства. М., 1999. URL: <http://histrf.ru/ru/lenta-vremeni/event/view/osnovana-akadiemiia-nauk> (дата обращения: 07.04.2015).

необходимость торгового, технологического и культурного обмена с европейскими странами, Петр I сосредоточивает свои усилия на строительстве флота и создании армии, способной побеждать армии сильнейших европейских держав. Это была первоочередной важности задача, без решения которой само существование российского государства находилось под вопросом. При Петре I началось бурное строительство мануфактур, то есть можно сказать, что капитализм пришел в Россию с Петром. Но здесь важно отметить, что мануфактурное производство в России было капиталистическим лишь отчасти, оно было государственно-капиталистическим, при нем использовался труд крепостных крестьян. Сами мануфактуры призваны были работать на удовлетворение государственных интересов и не были независимы от самодержавия даже когда обладали такой независимостью формально.

Промышленность была изначально ориентирована на обеспечение нужд армии и флота. Военные задачи стояли впереди остальных. Петровские преобразования проводились железной рукой, жестко, насильственными методами. В эпоху Петра были созданы современная (для того времени) победоносная армия и флот, заложен фундамент российской промышленности, увеличены доходы казны в 3 раза (с 24,9 до 76,7 млн руб. в постоянных ценах), приняты меры для повышения качества образования и начато дело всеобщего просвещения. Все преобразования, которые совершал Петр, понимались им как полезные для возглавляемой им державы. Такую модель преобразований можно назвать *имперской*.

С точки зрения внутренних процессов суть имперской модели состоит в том, что институт власти выступает в роли стержня, на который «насаживаются» все остальные социальные институты. Государство становится центром общественной жизни. Он обладает достаточными административными, экономическими и финансовыми ресурсами, чтобы управлять и координировать течение хозяйственной жизни. Он выступает в роли попечителя культуры и науки, создает условия для их расцвета. Он организует все население страны, мобилизуя его на реализацию того или иного проекта, имеющего общегосударственное значение.

Имперская модель развития может быть эффективна только в том обществе, членам которого присущ *дух служения*. Дух служения не есть дух услужения (раболепства). Служение предполагает

сознание долга, выраженное в конкретных действиях, на практике. Поэтому сильная и слаженно работающая армия всегда является неотъемлемой составляющей имперского государства, ведь в ней наиболее ярко выражен дух служения и порядка. Российская армия самодержавных времен состояла по преимуществу из простых людей – крестьян. И тот факт, что в XVIII–XIX веках она одержала ряд грандиозных побед (над шведами, турками, поляками, персами, французами), благодаря которым империя укрепила и значительно расширила свои границы, говорит, что народ в своей массе обладал таким сознанием долга.

Петр I задал парадигму развития, по которой власть всеми силами стремилась «догнать» Запад, прежде всего, в военно-технологическом аспекте. Но одновременно сделать это так, чтобы не пострадала «миссия» государства. И.К. Пантин и Е.Г. Плимак отмечают: «Петр не просто «прорубил окно в Европу», он создал на наш взгляд сам «архетип» или «генотип» развития России, при которой задачей самодержавного абсолютизма становилось прежде всего и помимо всего прочего создание и поддержание военного могущества ради обеспечения своих каких угодно: геополитических, панславистских, империалистических, а позже всемирно-коммунистических притязаний. Менялись «формации», системы и режимы, имена и деяния властителей, но сама нацеленность политики и дипломатии оставалась прежней. «Мы единственно военными упражнениями выступили из тьмы, – пытался наставлять своего злосчастного сына Алексея Петр I, – дали знать о себе другим народам и заставили их уважать себя». «Русская идея», идея российского мессианизма, всегда была присуща политике власти, хотя не всегда находились средства ее обеспечения»⁴⁶.

Однако Петр I достиг успехов не только в военном отношении. Он принес в Россию первые зачатки просвещения. Точнее сказать, он открыл «шлюзы», через которые европейская культура смогла влиться в культурное поле российской жизни. Многие из нововведений Петра I были поверхностными (вроде бритья бород и замены платья), но совершенный поворот с неотвратимостью повлек за собой изменения в сознаниях тех, кто приобщился к привнесенной извне культуре. К сожалению, следствием такого приобщения стал

⁴⁶ Плимак Е.Г., Пантин И.К. Драма российских реформ и революций (сравнительно-полит. анализ). М., 2000. С. 15.

духовный раскол общества, наслоившийся на сословную дифференциацию. Европейская ментальность была усвоена (в определенной степени) лишь представителями высшего сословия (только они имели возможность говорить и читать на иностранных языках и выезжать за границу), крестьянская масса жила в патриархально-православном символическом поле. Следствием такого положения вещей стало то, что первые «вольнлюбивые» антисамодержавные брожения начались среди дворян. При том, что дворянство как господствующий класс в целом было «шкурно» заинтересовано в сохранении существующего положения вещей.

Раскол общества мог бы быть преодолен, если бы произошло освобождение крепостных и введено всеобщее образование. Единственным институтом, способным осуществить такого рода преобразования было самодержавие. Екатерина II, считая себя преемницей Петра, вначале своего правления порывается дать вольную крестьянам, но позже передумывает. Единственным сословием, на которое она могла опираться в своем правлении, было дворянство, а пойти против интересов дворянства значило для нее подвергнуть себя риску очередного дворцового переворота, путем которого она сама пришла к власти. Достигая успехов во внешней политике и в некоторых отношениях во внутренней⁴⁷, в вопросе освобождения основной части населения страны Екатерина пошла на попятную. Более того, закрепощение крестьян не только не ослабло, но усилилось, вплоть до того, что указом 1767 г. им было запрещено подавать какие бы то ни было жалобы на помещиков.

Дарование «Жалованной грамоты дворянству» усугубило раскол. Дворяне приобрели достаточную долю независимости от самодержавия. С точки зрения личных выгод борются с царизмом

⁴⁷ Некоторые ее достижения в цифрах по Ключевскому выглядят так: «Армия со 162 тыс. человек усилена до 312 тыс., флот, в 1757 г. состоявший из 21 линейного корабля и 6 фрегатов, в 1790 г. считал в своём составе 67 линейных кораблей и 40 фрегатов и 300 гребных судов, сумма государственных доходов с 16 млн руб. поднялась до 69 млн, то есть увеличилась более чем вчетверо, успехи внешней торговли: балтийской – в увеличении ввоза и вывоза, с 9 млн до 44 млн руб., черноморской, Екатериной и созданной, – с 390 тыс. в 1776 г. до 1 млн 900 тыс. руб. в 1796 г., рост внутреннего оборота обозначился выпуском монеты в 34 года царствования на 148 млн руб., тогда как в 62 предшествовавших года её выпущено было только на 97 млн» (*Ключевский В.О.* Императрица Екатерина II. 1896. С. 7. URL: http://romanovy.rhga.ru/upload/iblock/b0a/05_Kluchevsky.pdf (дата обращения: 12.02.2016)).

им было не за что. Тем не менее, именно представители дворянства готовят «революционный» демарш. Крестьянские восстания (типа «пугачевского») не могли радикально повлиять на ситуацию даже в случае победы. За ними не стояло никакого продуманного сценария действия, программы реформ, предполагающей системные изменения. Первыми из тех, кто решился выступить за ограничения власти царя, оказались декабристы. Они потерпели поражение, но оставили след в российской истории как образец гражданских добродетелей, подлинного благородства и чести.

Парадигма развития, заданная Петром I, породила противоречия. Власть была весьма эффективной в решении отдельных проблем и одерживала блистательные победы на военном поприще, в столкновении с врагами из-за границы. Но она не была способной и не хотела менять себя, своей деспотической природы. Если бы тот или иной самодержец сумел опереться на лучших, наиболее прогрессивных представителей дворянского сословия вроде декабристов, тогда бы существовал шанс «некровавого» преодоления социальных диспропорций и межсословного антагонизма. Но этого не случилось и, как показывает история других стран, монархи практически никогда самостоятельно не идут на ограничение своей абсолютной власти.

Нежелание проводить реформы подводит страну к концу правления Николая I к тому состоянию, когда консервация общественных отношений приводит к разительному экономическому и военно-техническому отставанию от ведущих мировых держав. «Страны Запада обгоняли Россию по технике производства, видам и качеству продукции, а главное по производительности труда и объемам производства. Удельный вес России в совокупной выплавке чугуна пятью странами (Англия, США, Германия, Франция, Россия) упал за 1825–1860 гг. с 15 до 5 %. Ее удельный вес в мировом промышленном производстве – при непомерных амбициях российского абсолютизма – составлял в 1860 г. 1,72 % и уступал Франции в 7,2 раза, Германии в 9 раз, Англии в 18 раз. Уровень грамотности, важнейший критерий «цивилизационности» страны, был просто мизерным – примерно 6 %!»⁴⁸. Как и раньше, военные неудачи (в данном случае поражение в Крымской войне) становятся главным стимулом для осуществления давно назревших реформ.

⁴⁸ Плимак Е.Г., Пантин И.К. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М., 2000. С. 17.

С отменой крепостного права российская власть опоздала на век. В 1861 году Александр II все-таки решается на его ликвидацию, но она носит настолько неоднозначный и незавершенный характер, что в результате крестьяне оказались обделены землей и обозлены на помещиков еще больше, чем до реформы. Стесненные безземельем, разорительной податной системой и выкупными платежами, прикованные к своему наделу, крестьяне копили свое недовольство в течение последующего полувека. Рано или поздно оно должно было выйти наружу. Ленин говорил: «1861-й породил 1905-й». 1905-й был предтечей 1917-го года. Пережитки феодальных отношений, вступившие в причудливый симбиоз с нарождавшимися капиталистическими отношениями, нависли ярмом над полунищей Россией. «Социальное зло» рабочими и крестьянами виделось равно в лицах помещика и капиталиста. Потому феодализм был сметен революционной волной не ради капитализма (не для утверждения свободы предпринимательства и права на частную собственность), а вместе с ним.

Военно-технологическое развитие немислимо без развития научного и социально-экономического. Развитие производства оказывается невозможным без вольнонаемных рабочих, а значит и без отмены крепостного права. Царская власть одной рукой способствовала просвещению, другой придерживала его. Она отменяет крепостную зависимость, но ставит крестьян в такое положение, что говорить об их свободе можно только формально. Это послужило одной из главных причин того, что капитализм в России не стал системообразующим укладом экономики. Не оказалось достаточного количества вольного рабочего населения для всеобщей индустриализации и не были созданы условия для развития мелких и средних частных предприятий. Интересы крупных капиталистов совпадали с интересами помещиков, наследников феодальных традиций. Как уже говорилось ранее, капитализм в конкретных исторических условиях может способствовать социальному прогрессу, а может выступать в качестве реакционной силой для него. Последнее произошло в России.

Развитие науки и образования открывает врата для вольнодумных идей. Они проникают из Европы и получают свое неповторимое отражение в русской мысли. Начинает образовываться слой интеллигенции, который хочет думать, а значит и жить свободно.

Именно ей – интеллигенции – предстоит сыграть решающую роль в подготовке российских революций. Но идеи, которыми они будут руководствовать в этой подготовке будут иметь российскую специфику, они будут значительно отличаться от старых модернистских утопий в пользу утопии коллективистской (которую русские марксисты переняли у народников, несколько трансформировав ее содержание). Ценность справедливости станет приоритетной, что будет подогревать царящей вопиющей несправедливостью.

Самодержавие, с одной стороны, прилагает усилия для того, чтобы не «отстать» от европейских держав, потому что затянувшееся «отставание» чревато поражением в одной из имперских войн. С другой стороны, самодержавие боится ограничить себя, изменить своей самовластной природе. Российское государство обеспечивает единство множества народов и неразделимость огромных территорий. Русский народ на протяжении веков идентифицирует себя с этим государством, защищает его, служит ему. Но государство не слишком считается с ним, попирая его права и зачастую не считаясь даже с примитивными материальными потребностями простого люда.

Ни один другой институт кроме централизованного государства в имевших место исторических условиях не мог бы обеспечить сохранность обширной российской территории и добиться технологического прогресса и создания единой хозяйственной системы. Но ни один другой институт не был столь отчужден от русского народа, далек от понимания его нужд и умонастроений. В этом драматизм российской истории.

Имперская модель предполагает особый статус государства и в определенной мере неприкосновенность этого статуса. То, что государство выступает в роли довлеющей силы и имеет негативную сторону, которая заключается в том, что личность, интересы человека, а также интересы отдельных групп, могут уничтожаться. Империя собирает всех под одним началом (не обязательно монархическим), вокруг одной идеи или миссии. Дух служения есть предание себя воли этого начала, которое полагается олицетворяющим «блага». В действительности то начало, вокруг которого происходит сосредоточение, чаще всего, не является ни безусловно «благим», ни безусловно «дурным». Оно нуждается в корректировке извне и снизу, и потому подавление гражданской активности всегда идет не в пользу, но во вред институту власти.

Имперская идея, полагая государство важнейшей и направляющей социальную эволюцию силой, *не обязательно абсолютизирует его роль*. Более того, такого рода абсолютизация в конечном счете подрывает основания имперской идеологии, поскольку служение государству оправдано (легитимизировано) лишь как служение всему обществу и человеку. Отсутствие в сознании людей, населяющих империю, такой связки, ментальной сцепки идей служения обществу и государству, ведет к разрушению основ государственного устройства.

* * *

Все современные страны проходили через тот этап в своей эволюции, когда монархизм (в его абсолютистской форме) переставал соответствовать требованиям граждан и вызовам времени. Крах царизма в России – закономерное явление с точки зрения логики общемировой истории. Но тот проект, который пришел на смену самодержавного государства, стал явлением, выходящим за рамки привычных представлений о векторах исторического процесса. Он открыл новый этап истории для всего мира (всего человечества), не до конца решив те внутрироссийские проблемы, которые достались в наследство от предшествовавших эпох. Советский строй – это попытка совершить прыжок в коммунизм из феодализма, спаянного с отдельными элементами не получившего достаточного развития капитализма. В этой попытке проглядывается огромное историческое притязание, порой идущее поверх объективных обстоятельств и словно не замечавшее ограничений, которые накладывали минувшие эпохи, и в конечном счете не сумевшее их преодолеть.

К 1917 году уровень социального напряжения достиг точки кипения, и только срочные меры позволили предотвратить распад и анархию в стране. Не одна из политических сил кроме большевиков не видела впереди ясной цели (без которой восстановить единство страны не удалось бы) и того, как эта цель соотносится с политической практикой, нуждой распутывать клубок накопившихся социальных противоречий. Вот как характеризует эту ситуацию И.К. Пантин: «...большевики овладели властью в октябре 1917 года благодаря вакууму в стране: и монархисты, и кадеты, и

меньшевики, и правые эсеры показали себя неспособными решать общенародные, общегосударственные проблемы – кончить войну, провести аграрную реформу, консолидировать огромную полиэтническую и поликонфессиональную страну»⁴⁹. Классическая схема модернизации оказалась неприменимой к российским реалиям. Русская революция решила проблемы схожие с теми, с которыми сталкивались и другие народы при выходе из Премодерна, но сделала это совершенно иначе. «В этой связи по-новому предстает такое событие как Октябрьский политический переворот 1917 г. Его предпосылки заключались не в том, что капитализм в России якобы исчерпал все ресурсы развития – совсем напротив, он быстро рос и в нашей стране, и на Западе, – а в невозможности преодолеть с помощью буржуазного развития старые, идущие от крепостнического прошлого и новые, связанные с особенностями российского капитализма, диспропорции и антагонизмы»⁵⁰.

Русский народ в начале XX века совершил выбор в пользу *некапиталистического развития*⁵¹. Гражданская война – страшное бедствие, становящееся неотвратимым, когда раскол внутри общества достигает предела. Гражданская война – крайняя форма политического конфликта. Тот факт, что большевикам удалось выйти из этого конфликта победителями, преодолеть сопротивление белого движения (многие участники которого были профессиональными военными), пресечь поползновения интервентов, свидетельствуют о том, что им действительно удалось заручиться поддержкой основной массы населения, рабочих и крестьян⁵². Выбор в пользу некапиталистического развития был гражданским, народным выбором. Он не был навязан, не был спущен «сверху». Он стал цивилизационным выбором русского народа.

⁴⁹ Пантин И.К. Российская история // Русская революция. Политико-философский ежегодник. Вып. 6. М., 2013. С. 107.

⁵⁰ Там же. С. 109.

⁵¹ Еще в 1880-х годах один экономистов-народников В.П. Воронцов, отстаивая вариативность форм экономического развития, писал: «Капиталистическое производство есть лишь одна из форм осуществления промышленного прогресса, между тем как мы его приняли чуть не за самую сущность» (Воронцов В.П. Судьбы капитализма в России // Народническая экономическая литература. М., 1956. С. 463).

⁵² Подробнее см.: Кара-Мурза С.Г. Глава 6. Гражданская война. Советская цивилизация (от начала до наших дней). М., 2008.

Такой выбор был предопределен историей. В культурной сфере почву для него подготовило православие. Одними из основополагающих ценностей для православного учения являются *соборность* и *нестяжание*. Они прямо противоположны ценностям протестантизма, который утверждает *индивидуализм* и поощряет *накопительство*. Протестантизм, возобладавший на религиозном поприще на Западе, стал ментальным и духовным стержнем капитализма, что весьма убедительно показал М. Вебер в своей известной работе «Протестантская этика и дух капитализма». В России не было Реформации. Не получила в ней сколько-нибудь широкого распространения и протестантская религия. Потому говорить о том, что в российской культуре были этические основания для капиталистического типа хозяйства нельзя. Правда, многие старообрядческие общины довольно успешно вели свое хозяйство, имея во владении промышленные предприятия, но по духу и методам управления это хозяйствование сложно назвать капиталистическим в западном смысле этого слова.

Крестьянская община стала другим предопределяющим фактором совершенного выбора. Она сложилась как вследствие природных (большая часть территории страны находится в зоне рискованного земледелия, вести хозяйство в которой в одиночку слишком опасно) и социально-экономических (нагрузка поборов со стороны государства и тягловых обязательств перед помещиком распределялась по всему коллективу, что позволяло избежать разорения отдельных его членов) причин, так и под влияние духовных императивов. О когерентности принципов православия и принципов жизнеустройства русской крестьянской общины пишет Н.В. Сомин:

Суровость жизненных условий требовала от крестьян взаимовыручки. Всевозможные виды взаимопомощи (“помочи”, “дожинки”, “капустники”, “толока”), сбор средств погорельцам были обязательной составной частью общинного быта. Никто никогда не бывал забыт, несправедливо обижен или выкинут из общинного социума. Было бы натяжкой считать, что весь уклад общины являлся прямым следствием искреннего принятия крестьянами православной веры – живучесть общины зиждилась прежде всего на даваемых ею социальных гарантиях. Однако несомненно, что и общинная собственность на землю, и «помо-

чи», и решение дел на сходе полностью гармонировало с существующими в Православии принципами общности земных благ, милосердия и соборности и поддерживалось ими⁵³.

Взяв за систему координат марксизм, русское общество выбрало социалистический путь развития. Община сама по себе (чего так вслед за Герценом чаяли народники) не стала основой для нового экономического уклада. Произвести подобного рода трансформации была способна только новая сильная власть. Православие, некогда духовно питавшее русских людей, став символом покорности самодержавной системе, было отвергнуто, но не были отвергнуты упомянутые выше принципы жизнеустройства. Коллективизм, имевший глубокие корни в российской действительности, и идеология марксизма, привнесенная из Европы, в союзе стали оплотом нового порядка. И следует заметить, что марксистская идеология без опоры на общинные традиции не имела бы сколько-нибудь значительного успеха в России. Но и крестьяне, бесконечно далекие в своей ментальности от европейской мысли, без руководства со стороны идеологически заряженных людей вряд ли бы решились на кардинальное переустройство всей системы общественных отношений (они даже не мыслили в категориях подобного типа). Соединительным звеном между крестьянами – основной массой населения (85 % по данным переписи 1913 года) – и идеологами стал пролетариат, который, с одной стороны, сохранял тесную связь с деревней, и по своему духу был близок крестьянам, с другой стороны, проживая в городе, общился к идеям, активно распространяемым интеллигенцией.

Решения постреволюционной власти (выражавшиеся в декретах о мире, о земле, о полноте власти Советов, об образовании Рабочего и Крестьянского правительства, об уничтожении сословий и гражданских чинов и др.), позволявшие сломать старый строй и проложить дорогу в будущее, были проведены в жизнь сильной централизованной властью. Что свидетельствует о том, что имперская модель развития (которую неверно отождествлять с абсолютизмом) не исчерпала себя. Она нуждалась в обновлении, в живительных соках снизу, поддержке со стороны граждан. Такую поддержку большевики нашли в лице пролетариата.

⁵³ *Сомин Н.В.* Лекция 14: Развитие капитализма и общинная жизнь в России // Экономические категории в Священном Писании и церковном учении. URL: <http://www.chri-soc.narod.ru/posobie14.htm> (дата обращения: 03.08.2016).

Большевики выбрали ту же модель развития, что и Петр I. Центральная власть сосредоточила в своих руках все рычаги для проведения полномасштабных, охватывающих все отрасли реформ. Такое сосредоточение позволило решить ряд важнейших задач: обеспечить крестьян землей, уничтожить социальное неравенство, уравнивать в правах мужчин и женщин, провести индустриализацию в предельно короткие сроки, ликвидировать безграмотность, ввести всеобщее среднее образование, подготовить специалистов для осуществления НТР, добиться независимости от внешнего рынка. Возможно было ли срочное решение этих задач без централизации управления, без мобилизации ресурсов и населения? Вряд ли. Имперская модель в этом случае показала свою эффективность. Но, к сожалению, личность человека и его свобода опять оказались по-прежнему. Тем не менее, не справедливо было бы утверждать, что в советском обществе не было гражданской культуры, что советский человек не имел гражданского сознания. Во многих отношениях гражданское сознание и гражданская активность советского человека были более высокого уровня, чем таковые современного россиянина. Советская гражданская культура была сонаправлена марксистско-ленинской идеологией, которой удавалось выполнять функцию сверхнационального регулятора духовной сферы. Идеология дала импульс для развития гражданских начал, но она накладывала столь стесняющие мысль ограничения, что в конечном итоге пробужденная энергия обернулась против нее самой.

Советский проект и причины его крушения

Сложно переоценить важность понимания позитивных сторон опыта созидания советской империи и причины неудачи этого проекта. Постараемся понять ошибки, из-за которых советская государственность прекратила свое существование. Не может быть слепого возврата к старому, история не повторяется, и попытка «притянуть за уши» в настоящее то, что ушло безвозвратно, приводит лишь к усилению противоречий и углублению кризисных тенденций. Но из этого не следует, что нечему учиться у прошлых эпох, что невозможно извлечь оттуда и применить на практике подлинные достижения.

Прежде всего, опыт существования советского государства есть опыт существования наднационального государства. И существования в рамках этого государства наднациональной (или сверхнациональной) общности – советского народа. Верно сказать, что эта общность как нечто окончательно завершенное и цельное до конца сформирована не была. Но верно также сказать и то, что уровень единства как качественной характеристики этой общности был достаточно высок. Подтверждением чему служит победа во Второй мировой войне: народ разобщенный и раздробленный не способен побеждать в таких военных конфликтах. Подтверждением тому служит и глубина межэтнического взаимодействия, терпимость разных этнических сообществ друг к другу, которая, к сожалению, не наблюдается в современной России.

За счет чего может быть достигнуто наднациональное единство? Только за счет совпадения национальных интересов и наличия ценностей и целей, разделяемых различными национальными (или этническими) общностями. Такие ценности и цели выдвигали коммунисты, и потому они смогли построить наднациональное государство. Конечная цель – коммунизм – не предполагала национализма в какой бы то ни было форме, коммунизм – достояние всего человечества, своего рода «земной рай» для всех и во имя всех. Ценности также не привязывались к какой-либо отдельной национальной культуре, не полагались вытекающими из нее, но постулировались как общечеловеческие ценности. При этом особую роль уделяли науке, как источнику истинного знания, и по этой причине марксистскую идеологию объявляли научной, и, как следствие, верной. Но путать идеологию с научной теорией – значит мешать развитию последней и придавать ложный статус первой. Эта путаница – одна из главных причин краха советского проекта.

Однако наличия наднациональных ценностей и целей недостаточно для того, чтобы идеал интернационализма, то есть действительного и действенного сотрудничества между народами, воплотился в реальность. Для этого необходимо, чтобы появился субъект, разделяющий эти ценности и цели. Социальный субъект, не окрашенный национальными оттенками того или иного рода, должен возглавить борьбу за интернациональное братство. Тогда коммунистический проект хотя бы потенциально становится реа-

лизуемым. Таким субъектом, согласно марксизму, должен стать пролетариат: трудящиеся и эксплуатируемые всех стран. Отсюда – идея диктатуры пролетариата как условия для победы интернационалистического проекта «рая для всех». История опровергла эту идею, показав, что пролетариат не способен быть политическим субъектом, то есть таким субъектом, которому принадлежит власть и который распоряжается ей в соответствии со своей волей. Так или иначе выделяется элита, которая и становится реальным носителем власти. Она может в отдельных аспектах своей деятельности опираться на интересы пролетариата, в других – исходить из своей логики и внутривластных коллизий. Элита, как это и произошло в СССР, отрывается от класса, который был опорным для нее, когда она вела борьбу за власть, и это отчуждение постепенно может достичь размеров, угрожающих ее легитимности. Тогда вновь начинают просыпаться национальные чувства и возрождаться национальные проекты в противовес имперскому. Сама империя начинает отождествляться с элитой, которая потеряла «связь с народом».

Просчет марксистских теоретиков оказался в том, что пролетариат не был готов выполнять роль политического субъекта или даже арбитра внутриэлитных разборок. Во-первых, пролетариат – слишком широкий социальный слой, а для управления государством требуется относительно небольшое количество высококвалифицированных людей, понимающих как оно [государство] работает. Во-вторых, весьма невысокий уровень политической культуры рабочих стал тормозом для развития демократических тенденций внутри советского общества. В-третьих, настоящей субъект – партия – во главе со Сталиным узурпировала власть и не слишком считалась с мнениями пролетариев и, тем более, крестьян⁵⁴. В-четвертых, по мере нарастания темпов научно-технического прогресса и структурных изменений в социуме (увеличения численности и значения интеллигенции) во второй половине XX века пролетариат уже перестал быть столь всеобъемлющим и играть столь важную роль как раньше. Образно говоря, он перестал быть “локомотивом истории”.

⁵⁴ О роли коммунистической партии в системе власти в СССР см., например: *Зиновьев А.А.* Партия и система власти / Коммунистическое сверхобщество // *Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. М., 2008. С. 277–279.

Когда нет субъекта, интернационального по своей природе, готового брать на себя ответственность за настоящее и будущее империи, тогда идеал интернационализма, как бы возвышен и прекрасен он ни был, остается лишь проекцией в голове. Поскольку реальный и единственный политический субъект Советского Союза – коммунистическая партия – к концу 80-х годов сложила с себя всякую ответственность как за настоящее, так и за будущее, и сама отказалась от имперской идеи, то, естественным образом, Союз распался. Он не мог не распасться, так как на политической арене не оказалось такой могущественной силы, которая была бы заинтересована в продолжении его существования.

Деградация и дезориентация главного политического субъекта, партии, сопровождались кризисом идеологии. Вдруг оказалось, что учение Маркса не всесильно, из чего сделали не подкрепленный логикой, но однозначный вывод, что оно абсолютно неверно. На всем протяжении двадцатого столетия политические идеи Маркса и Ленина в Советском Союзе не развивались, превратившись в мертвые догматы и вследствие этого утратив эвристический потенциал. Развитие подразумевает критику того, что должно быть развито. Табу на критику вырождается в табу на развитие. Это и произошло с марксизмом-ленинизмом. Кризис идеологии повлек за собой в массовом сознании кризис советского идеала как перспективы. Когда имперский проект дискредитирован, причем дискредитирован теми людьми, кто раньше являлся его «преданными» сторонниками и апологетами, когда вместе с этим происходит разложение субъекта, несущего ответственность за реализацию проекта, тогда крах империи неизбежен.

Но в чем суть проекта, предложенного Лениным? В чем его ценность для будущего? Прежде всего, Владимир Ильич был яростным защитником права наций на самоопределение. И не менее яростным противником империализма, то есть ущемления свободы народов. Каждый народ имеет безусловное право сам выбирать свою судьбу и никакой другой народ или отдельные лица (вроде монарха) не имеют права диктовать ему условия этого выбора. Критикуя позицию Розы Люксембург, Ленин пишет следующее по этому поводу: «гоняясь за “практицизмом”, Роза Люксембург просмотрела главную практическую задачу и великорусского и инационального пролетариата: задачу повседневной агитации

и пропаганды против всяких государственно-национальных привилегий, за право, одинаковое право всех наций на свое национальное государство; такая задача наша главная (сейчас) задача в национальном вопросе, ибо лишь таким путем мы отстаиваем интересы демократии и равноправного союза всех пролетариев всех наций»⁵⁵.

Тезис о национальном самоопределении был включен в советскую конституцию и во многом благодаря ему события конца 80-х и начала 90-х годов XX столетия не приняли характер тотальной братоубийственной войны⁵⁶. Выдвигая этот тезис, Ленин порывает с имперской традицией прошлого, выступает против империй, но именно империй старого образца. Ленинский проект советского государства – тоже имперский проект, но империи нового типа (“де-факто”, а не “де-юре”, разумеется).

Советская империя обладала признаками, присущими всем прошлым империям. Она опиралась на сильную централизованную власть, объединяющую обширные территории (одна шестая часть суши!), населенные множеством этносов с различной культурой; обладала независимостью во внешней политике от других государств; была экономически самодостаточной; постулировала высокую идею, скрепляющую все социальные институты и задающую вектор эволюции для общества. Но Ленин попытался привнести в эту империю то, чего империи никогда не знали ранее – *демократическую культуру*. «На деле именно эта пропаганда (за право наций на самоопределение. – *И.У.*), и только она, обеспечивает действительно демократическое и действительно социалистическое воспитание масс. Только такая пропаганда гарантирует и наибольшие шансы национального мира в России, если она останется пестрым национальным государством, и наиболее мирное (и безвредное для пролетарской классовой борьбы) разделение на разные национальные государства, если встанет вопрос о таком разделении»⁵⁷. Отстаивая право наций на самоопределение, Ленин

⁵⁵ Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. М., 1969. С. 277.

⁵⁶ События в нагорном Карабахе, приднестровский конфликт, гражданская война в Таджикистане в 1992–1997 годах и другие столкновения на национальной почве показывают, что такая угроза была вполне реальна.

⁵⁷ Ленин В.И. О праве наций на самоопределение. С. 277–278.

боролся за демократию, за возможность народов самостоятельно определять свое будущее. Вместе с тем, он призывал народы к единству, к сплочению, указывая на общность их интересов и ценности наднационального порядка. В этом новизна ленинского проекта – в стремлении совместить демократические начала и имперскую форму государственного устройства.

Проект остался на бумаге. Демократические начала не получили развития, и политика Сталина убила их ростки на корню. По факту после смерти Ленина советская власть продолжила политику старого имперского типа. Нации не чувствовали себя свободно, ощущая давление центра. Это давление было связано не столько с давлением в отношении какого-либо конкретного народа, но с сущностью самого политического процесса в СССР. Советское общество стало равно недемократичным. Пролетариат оказался не способен поддерживать демократию, контролировать партию и чиновничий аппарат. Власть сосредоточилась в одних руках. Национальное самосознание пробудилось позже как ответ на узурпацию власти и из-за желания выразить гражданскую жизнь в национальной форме. Первичная причина – отсутствие возможности для гражданского самовыражения в рамках союзного государства. Национальные движения вторичны. Если бы существовала возможность для полноценной гражданской жизни в рамках единой страны, движения за независимость не получили бы широкого распространения.

Иногда можно встретить утверждение, согласно которому ленинский проект, предполагавший право свободного выхода республик из состава Союза, был ошибочным, в частности, нынешний президент РФ В.В. Путин в одном из своих интервью даже назвал это решение “миной замедленного действия”. Как известно, Сталин предлагал другой проект – широкой автономизации республик при сохранении их в составе единого государства без права на выход. На наш взгляд, правильная постановка вопроса подразумевает не анализ обеих альтернатив с точки зрения одного из ракурсов: решения проблемы сохранения целостности государства или предоставления максимальных свобод населявших империю народам, – а понимание двух сторон этой дилеммы как в сущности одного вопроса. Государство способно обеспечить свою целостность в долгосрочной перспективе лишь

в том случае, если все народы, входящие в него, добровольно выражают свое согласие на участие в жизни этого государства, если целостность государства для каждого из этих народов является ценностью. В исторических условиях, когда создавался СССР, после оставившей неизгладимый след в душах людей гражданской войны и не до конца утихшего накала в том числе и националистических страстей, чрезмерное давление центра и принуждение к жизни в одном государстве было чревато новыми всплесками насилия и волнений на националистической почве. И Ленин был абсолютно прав, когда настоял на том, чтобы предоставить народам возможность распоряжаться своей судьбой, – это право не создавало угрозы распада, но, наоборот, позволяло заложить по-настоящему крепкий фундамент под здание единой государственности.

Спор между Лениным и Сталиным разгорелся не столько о конечной цели решения национального вопроса, сколько о методах и путях достижения этой цели. Единство Союза и централизация власти им обоим представлялись необходимыми, но Ленин отстаивал по преимуществу путь убеждения и свободного волеизъявления народов, в то время как Сталин не чурался жестких и бескомпромиссных методов достижения поставленной цели. Одним из индикаторов различия в подходах Ленина и Сталина стало *грузинское дело 1922 года* – политический конфликт, возникший внутри партийного руководства вокруг проблемы вхождения Грузии в состав ЗСФСР. Ленин в этом конфликте выступил на стороне грузинской оппозиции, возглавляемой Махарадзе и Мдивани, осудив нетерпимость и грубость Орджоникидзе и Сталина. В своих записках от 1922 года он дал следующую оценку произошедшему: «Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль»⁵⁸. Именно это качество генерального секретаря – его озлобленность, переходящая в грубость, – вызвала столь яростное неприятие у Ленина, что в «Письме к съезду» он ратует за его отставку. Как известно болезнь вождя не позволила сделать ему соответствующие распоряжения.

⁵⁸ Ленин В.И. К вопросу о национальностях или «автономизации» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1970. С. 357.

После кончины Ленина политика в отношении национальных республик проводилась, разумеется, в сталинской манере, но при сохранении в конституции уже утверждённого статуса, предполагавшего возможность выхода из состава государства. Жесткость и предельная централизованность власти, характерная для сталинского периода, проявлявшаяся во всех сферах ее приложения, давала о себе знать и в национальном вопросе. Наиболее болезненно дала она о себе знать в практике депортации народов. Конечно, такого рода явления не могли не оставить следа в исторической памяти советских граждан. Однако вряд ли было бы справедливо утверждать, что подобные, выражаясь языком самого Сталина, «перегибы» стали одним из довлеющих факторов, обусловивших распад Союза. Они оставили осадок ответной «озлобленности» в отношении центра и партии (подобное, как известно, порождает подобное), смешанной с чувством ущемленного национального достоинства, но эти чувства к середине 80-х годов не имели широкого распространения, для их пробуждения и актуализации требовались целенаправленные спланированные действия.

Объективные данные говорят о том, что советская власть сделала очень много для нерусских народов, населявших социалистические республики. Несмотря на неприемлемость методов действия или отдельных решений этой власти, если оценивать ситуацию беспристрастно, необходимо констатировать, что центр обеспечил такие темпы и качество социально-экономического и культурного развития регионов, которые вряд ли могли бы быть обеспечены кем-то еще. Приведем некоторые показательные цифры. «Темпы роста промышленного производства с 1913 года по 1986 год по республикам Средней Азии были следующие: в Узбекистане – в 103 раза; в Киргизии – в 480 раз; в Таджикистане – в 195 раз и в Туркмении – в 94 раза. Темпы роста валовой продукции сельского хозяйства с 1913 по 1986 год составили: в Узбекистане – 8,1 раза; Киргизии – 8,3 раза; Таджикистане – 11,8 раза и Туркмении – 8 раз. Для сравнения: рост экономики Японии в период с 1952 года по 1973 год (известен как «японское экономическое чудо») составлял в среднем 10% в год. При этом это был самый высокий экономический показатель среди капиталистических стран во время «холодной войны». В Японии с 1953 года по 1960 год объем промышленного производства увеличился в 2,6 раза. А затем этот показатель

начал постепенно снижаться»⁵⁹. Если вспомнить, что именно в советское время были налажены системы бесплатного образования и медицины, позволившие народам Средней Азии и других республик качественно повысить уровень жизни, «почувствовать себя людьми», то можно только удивляться тем претензиям, которые предъявляют к советскому государству лидеры националистических движений этих стран.

Часто со стороны представителей прибалтийских стран, в особенности политиков, слышатся речи, теперь уже составляющие неотъемлемую часть антисоветской и антироссийской пропаганды, о том, что московская власть эксплуатировала народы прибалтийских стран. Факты говорят об обратном.

В Литве за последние советские годы только в 1970–1972 гг. размеры произведенного национального дохода превосходили размеры используемого. В последующие годы разность между используемым и произведенным национальным доходом была постоянно в пользу первого и к 1988 г. достигла почти 10 % к произведенному национальному доходу. Те же тенденции обнаруживались и в Эстонии. Если в 1970 г. разность между используемым и произведенным национальным доходом составляла 0,9% к произведенному, то в 1980 г. – 5 %, а в 1988-м – уже 12,8 %⁶⁰.

Согласно другому мифу, распространенному в Прибалтике, в 1920–1930 годах Латвия, Литва и Эстония имели якобы высокоэффективные рыночные экономики. В реальности в этот период экономики названных стран деградировали. Немного лучше на фоне остальных выглядела в этом отношении Литва, но Латвия и Эстония уровня промышленного производства 1913 года за весь период независимости так и не достигли. В Латвии, например, машиностроительная продукция составила в 1940 г. всего 40 % от уровня 1913 года⁶¹.

Можно было бы приводить и другие данные, иллюстрирующие тот факт, что советская власть имела в качестве одного из главных приоритетов – *развитие нерусских народов*. Заинтересованных чи-

⁵⁹ Прибалтика и Средняя Азия в составе Российской империи и СССР: мифы современных учебников постсоветских стран и реальность социально-экономических подсчетов. С. 7. URL: http://nlvp.ru/reports/Middle_Asia_Pribalty_History_for_www_02.pdf (дата обращения: 02.05.2015).

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

тателей отсылаю к исследованиям, посвященным непосредственно этому вопросу, пару фрагментов одного из которых были приведены. Статистические данные, показывающие объективную картину социально-экономического развития народов СССР, общедоступны и каждый желающий способен с ними ознакомиться. Они приведены, например, в книге С.Г. Кара-Мурзы «Народное хозяйство СССР»⁶². Статистика свидетельствует о том, что вплоть до начала перестройки хозяйство СССР развивалось нарастающими темпами. Домыслы о недееспособной плановой системе хозяйствования являются мифом, не подтвержденным ничем, кроме голословных обвинений и подтасовкой фактов. В частности, утверждение Е.Т. Гайдара о неустранимой зависимости советской экономики от продажи нефтепродуктов, напрямую противоречит объективным показателям, которые говорят, что доля доходов от продажи топлива и электроэнергии (обратите внимание – не только нефти, но топлива всех видов и электроэнергии) в среднем в период с 1980 по 1990 годы составляла около 8 %. Понятно, что 8 % – это не мало, учитывая объем бюджета советского государства, но резкое падение цен на нефть или даже полное прекращение ее экспорта, не было катастрофическим с точки зрения существования всей экономики. Поэтому нельзя серьезно рассматривать этот фактор в качестве определяющего для анализа кризиса советского уклада жизни. Не следует забывать, что советское хозяйство было устроено таким образом, чтобы в случае реальных угроз извне (в том числе военной и угрозы полной изоляции со стороны других стран) иметь достаточно средств для обеспечения всех насущных потребностей народонаселения.

Другое дело, что советская экономика была неравновесной с точки зрения производства предметов потребления и средств производства. Доля последних была значительно выше, разнообразие предметов потребления было невелико. Из-за этого у обывателя создавалось впечатление, что мы ничего своего «хорошего» не производим, западные товары выглядели более привлекательными и соблазнительными, хотя в реальности они не всегда являлись более качественными. Возможно ли было устранить эту неравновесность при трансформации системы хозяйствования СССР,

⁶² Кара-Мурза С.Г. Народное хозяйство СССР. М., 2012.

не разрушая базовые принципы ее работы? Представляется, что да. Экзальтация потребительского инстинкта, которая наблюдается в конце 80-х годов, подогретая неумелыми (или сознательно разрушительными) попытками М.С. Горбачева и его окружения осуществить экономические преобразования, привела к полному отрицанию сложившегося уклада и лишённому здравого смысла «очарованию» мнимыми благами рынка.

На наш взгляд, ни дефекты советского хозяйства, которые, конечно, были, но не были критическими с точки зрения системного анализа; ни национальный вопрос, который не был решен абсолютно, но в целом не стоял остро в середине 80-х годов; ни гонка вооружений и противостояние с Западом, которые уносили значительные ресурсы, но опять же не в таком количестве, чтобы это само по себе грозило катастрофой, – ни один из этих факторов не стал решающим для потери советским государством своей жизнеспособности. Решающими факторами стали: *кризис коммунистической идеологии*, обеспечивающей единство всех народов Союза и стоявшей над ценностями национальных культур, *разочарование в ней* советских граждан и, как следствие этого разочарования, мировоззренческий кризис, поразивший самые широкие слои населения, *дискредитация и самодискредитация коммунистической партии*, проводимая как диссидентами и буржуазными агитаторами извне, так и частью элиты изнутри самой партии. Последним звеном в саморазрушении коммунизма стало предательство верхушкой КПСС во главе с ее последним генеральным секретарем самой партии и всего советского общества⁶³. Это сделало процесс разрушения советской системы необратимым.

⁶³ Известный исследователь советского общества А.А. Зиновьев писал: «Реальность советской истории после 1985 года такова, что оценка поведения советской власти как предательства по отношению к подвластному населению не вызывает никакого сомнения у объективного наблюдателя» (*Зиновьев А.А. Фактор предательства*. URL: <http://www.rpw.ru/lib/Zinovev.html> (дата обращения: 12.10.2016).

Последствия отказа от имперской парадигмы развития

Союз распался, но что образовалось на его месте? Продемонстрировали ли последствия отказа от имперской парадигмы развития правомерность взгляда на империю как “абсолютное зло”? Антиимперские реформы 90-х годов сопровождались и направлялись тремя соподчиненными процессами: *деидеологизацией, децентрализацией и деиндустриализацией* (проводимой под лозунгами внедрения рыночной системы хозяйствования). Государство уходило из экономики, отдавая ее на откуп дорвавшимся до «жирного куска» авантюристам и ловким дельцам, сумевшим заполучить часть советского наследия. Государство лишало свои собственные органы полномочий, которые были необходимы для наведения элементарного порядка в стране. Государство снимало с себя всякую ответственность за происходившую в стране деградацию культуры и снижение общего образовательного уровня. Таких преобразований желал российский народ?

За столетия российское государство выработало определенные принципы воспроизводства своего бытия. Отказ от идеологии есть также отказ и **от универсальных принципов, за счет которых происходит организация политического пространства**. В реальности такие принципы всегда существуют. В конституции записано, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (п. 2, статья 13), но сама конституция базируется на либеральных ценностях и либеральной идеологии. В качестве высшей ценности конституция РФ определяет права и свободы человека (статья 2). Что это, если не идеология? Далекое не все народы склонны полагать, что данная ценность является высшей. Так, например, в принятой в 2012 году Конституции Сирии высшей ценностью является «мученичество ради Родины» (статья 21)⁶⁴. Идеология неотделима от аксиологии. Если мы утверждаем приоритет некоторых ценностей над другими, это уже является идеологией по существу, то есть иерархической системой идей, выстроенных согласно определенной логике.

⁶⁴ Конституция Сирии. URL: <http://constitutions.ru/?p=7027> (дата обращения: 15.04.2016).

Запрет на государственную идеологию и одновременное утверждение либеральной идеологии – очевидное противоречие. В подавляющем большинстве конституций разных государств отсутствует подобного рода запрет на государственную идеологию. И в странах, традиционно относимых к защитникам «всеобщего либерализма», в конституциях помимо «прав и свобод человека» утверждаются другие ценности. Так во 2-й статье Договора о Евросоюзе наряду и наравне с ценностью прав и свобод человека записаны ценности равенства и демократии. В преамбуле Хартии Евросоюза по правам человека к ним добавлен ценностный принцип солидарности. При этом подчеркивается, что перечисляемые европейские ценности базируются на духовном, нравственном и историческом наследии народов Европы, т. е. вышли из лона европейской цивилизации. Конституции многих стран утверждают необходимость сохранения традиционных духовных ценностей, так, например, в конституции Турции сказано, «что никакие взгляды и убеждения не должны противопоставляться... историческим и духовным ценностям Турции»⁶⁵. В конституции Бразилии наряду со свободами и правами человека высшими ценностями полагаются безопасность, благосостояние, развитие, равенство и справедливость⁶⁶.

Целый ряд государств в своих конституциях апеллирует не только к светским ценностям, но и к ценностям религиозного порядка, отдавая приоритет одной из религиозных традиций⁶⁷. Всякое состоятельное государство использует идеологию для оправдания своего существования и объяснения той политики, которую проводят власть имущие. Иногда совокупность идей, обеспечивающих непрерывность развития и задающих ориентиры на будущее, называют национальной идеей⁶⁸. Более точно все же говорить о на-

⁶⁵ Конституция Турции. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=84> (дата обращения: 15.04.2016).

⁶⁶ Конституция Бразилии. Преамбула. URL: <http://www.russobras.ru/constitution.php> (дата обращения: 15.04.2016).

⁶⁷ Подробнее об этом см. *Багдасарян В.Э.* О запрете государственной идеологии в Конституции РФ. URL: <http://rusrand.ru/analytics/o-zaprete-gosudarstvennoj-ideologii-v-konstitutsii-rf> (дата обращения: 11.04.2016).

⁶⁸ Подробнее см. *Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С.* Национальная идея как ценностный интегратор страны // Высшие ценности российского государства. М., 2012. С. 252–307.

циональной идеологии, потому что это всегда достаточно сложная система разноплановых идей, объединенных в одно целое и продолжающих изменяться во времени⁶⁹.

Отказ от имперской парадигмы сопровождался не только отказом от имперской идеологии, но и децентрализацией, стремлением отдать региональным субъектам «столько суверенитета, сколько они смогут проглотить». Советское государство проникало почти во все сферы жизни человека вплоть до контроля за чистотой семейных отношений. Желание избавиться от опеки государства породило другую крайность: вытеснение его даже из тех сфер, где оно было жизненно необходимо. Но никакой другой полноценной силы, способной взять на себя груз решения проблем социальной координации и организации, не нашлось. В результате такой силой стал криминал. Под флагом «бандитских разборок» и переделов «зон влияния» прошли все 90-е годы. Криминальные структуры во многих случаях «подмяли» под себя региональную власть. Бандиты, захватившие власть в Чечне и объявившие о ее независимости, – наиболее одиозный и шокирующей, но симптоматичный пример. В других регионах взаимодействие властей и криминала проходило в более «цивильных» формах, хотя и в них без крови не обходилось. Первейшая задача государства – сдерживание насилия и недопущение беззакония, но для этого государство должно быть достаточно сильным и готовым при необходимости к своевременным жестким мерам. Разгул преступности в 90-х годах – прямое следствие слабой и недееспособной центральной власти.

Вертикаль власти, укрепление которой стало отличительным признаком двух первых сроков В.В. Путина, вряд ли будет справедливо назвать возвратом к единоначалию, он был вызван насущной потребностью в налаживании работы управленческого аппарата. Негативные тенденции, связанные с этим процессом, заключались не в самом факте укрепления власти и государства, но в том, что усиление власти проходило не столько за счет подавления и ликвидации преступных или околоскриминальных групп, сколько за счет инкорпорирования их во властные структуры. В определенном смысле само государство обрело полукри-

⁶⁹ О значении идеологии для современной России см.: *Соколова Р.И.* Зачем России нужна идеология? Современные проблемы Российского государства. Филос. очерки / Под общ. ред. В.Н. Шевченко. М., 2015. С. 364–416.

минальный характер. Но и в таком неблагоприятном состоянии оно оказалось более эффективным, чем в состоянии, при котором оно было «между жизнью и смертью». Произойдет ли очищение власти от людей, ориентированных исключительно на личную прибыль и собственный эгоистический интерес – вопрос будущего. Но и сейчас ясно, что одними репрессивными мерами решить его не получится. Ослабление власти и вертикали управления также не решает, а обостряет эту проблему. Это проблема качества, а не количества. Разрешение ее в повышении нравственных и профессиональных качеств тех, кто принимает решения и несет ответственность за них, а не в ограничении властных полномочий конкретных должностных лиц. На место власти, которая перестает быть сильной, приходит другая власть.

Уход государства из экономики также не привел к ее расцвету, подъему за счет энергии инициативных предпринимателей, о котором так упоительно говорили сторонники рыночных преобразований. Право частной собственности в российских реалиях стало синонимом расхищения и разграбления собственности, бывшей ранее государственной. Приватизация стала “прихватазацией”. Производственные мощности упали, целые отрасли промышленности оказались фактически выведены из строя. Российский рынок заполнили иностранные компании, многие предприятия оказались под их контролем. Отток капитала за рубеж, начавшейся тогда (по разным подсчетам в 90-х годах было вывезено от 400 до 800 и более миллиардов долларов⁷⁰) и не прекратившейся до сих пор (за 2015 год он составил \$ 56,9, за 2014 – \$ 153 млрд) сродни выкачки крови из больного организма. Сельское хозяйство также впало в состояние глубокого кризиса. «Реформа разрушила весь микрокосмос сельской жизни и хозяйства. Связка сельсовета (государственной власти) и колхоза или совхоза (центра хозяйственной жизни) была осью, на которой опиралось жизнеустройство деревни»⁷¹. Около 20 тысяч сельских поселений просто перестало существовать. Диверсификация экономики декларируется, но основные инвестиции по-прежнему идут в сырьевой сектор, а денег на остальные практически не

⁷⁰ См.: *Калабеков И.Г.* Российские реформы в фактах и цифрах (справ. изд.). М., 2007.

⁷¹ *Капа-Мурза С.Г.* Народное хозяйство СССР. М., 2012. С. 460.

остается. Только в последние годы стал заметен подъем производства в военной и космической сферах, до этого находившихся наряду с другими отраслями в состоянии упадка.

Неприкосновенность частной собственности, как полагали либералы, создаст условия, при которых сформируется гражданское общество, состоящее из людей, заинтересованных в сохранении своего имущества и потому отстаивающих перед государством свои интересы, а вместе с ними и интересы всего общества. В реальности класс таких людей сформировался, но он весьма немногочислен, и он не противостоит политическому руководству (за редким исключением), выступая от лица всего общества, а действует совместно с властной элитой, поскольку связан с ней множеством видимых и невидимых нитей. Формирование класса собственников (речь идет, прежде всего, о капиталистах, имеющих крупные активы) не сделало российскую экономику более инновационной, что декларировалось как цель, не остановило, а усугубило технологическое отставание от передовых стран⁷².

Одним из самых тяжелых последствий развала прежней государственности и новой экономической политики стало небывалое социальное расслоение, вызывающее справедливое возмущение и недовольство оказавшихся за чертой бедности или близких к тому. Согласно исследованию института социологии РАН от 2013 года⁷³ к категории бедных можно отнести от четверти до трети россиян. За последние три года их число выросло, некоторые эксперты оценивают уровень бедности в 41 % от всего населения⁷⁴.

Для правительства такой категории как бедные не существует вообще. Росстат публикует статистику, в которой отображено число людей с доходами ниже прожиточного уровня. Таковых в 2016 году было 19,8 млн человек. При этом пенсионеры в эту категорию не попадают. Уровень пенсионных выплат держится немногим выше прожиточного минимума. Показатель прожиточного мини-

⁷² См.: Глазьев С.Ю. Уроки очередной Российской революции: Крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». М., 2011.

⁷³ ИС РАН: Бедность и неравенства в современной России. М., 2013. URL: <http://www.poisknews.ru/php/files/core/contentfile/contentfile/02/84/a0/full.pdf> (дата обращения: 19.09.2015).

⁷⁴ См., например, статью А. Михайлова. URL: <http://www.profile.ru/economics/item/104620-veter-v-karmanakh> (дата обращения: 06.03.2016).

му, по мнению профессиональных социологов, не является адекватным критерием, позволяющим оценить реальную ситуацию в стране. «Бедные в социологическом понимании – это не столько те, кто имеет доходы ниже какой-то расчётной величины, сколько, прежде всего, действительно живущие бедно. Причины несовпадения выделяемых двух групп бедных могут быть различны. Так, к низкому уровню жизни при доходах, которые формально находятся выше прожиточного минимума, может приводить специфика расходов соответствующего домохозяйства (например, в семье есть тяжелобольной и много денег уходит на лекарства), наличие в семье наркомана или алкоголика, высокая стоимость жизни в определённом населённом пункте и т. п.»⁷⁵. Уровень реальной бедности сегодня перевалил за 40 % и постепенно приближается к черте в 50 %, то есть половины всего населения. Угроза социального взрыва становится все более ощутимой, а надежда на то, что его удастся избежать, все более призрачной.

Имперская парадигма позволяет обеспечить развитие без отрицания принципов, которые лежат в фундаменте цивилизации. Империя – это политическое оформление социокультурного, экономического и географического пространства цивилизации. Само понятие «империя» является условным. В качестве описания политической реальности, в которой утверждается цивилизационная неповторимость данного региона, как уже говорилось выше, оно вполне может быть заменено на термин «союз» или «интегративное государство». Однако использование этого термина в научных работах и его частичная реабилитация позволяет избежать нагнетания «антиимперских» чувств и настроений, которое, если оно случится опять, не закончится ничем продуктивным, а приведет лишь к очередной дестабилизации и нарастанию хаоса⁷⁶.

Имперскость для России неотделима от духовного аспекта имперской идеи, и в этом смысле мы вполне согласны с М. Юрьевым, который утверждает, что «естественным для русских вариантом го-

⁷⁵ ИС РАН: Бедность и неравенства в современной России. М, 2013. URL: <http://www.poisksnews.ru/php/FILES/core/contentfile/contentfile/02/84/a0/full.pdf> С.12 (дата обращения: 13.10.2015).

⁷⁶ См., например, *Межуев Б.В.* Антиимперская мобилизация. Русский журнал, 2006. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Antiimperskaya-mobilizaciya-2006> (дата обращения: 17.08.2015).

сударственного устройства является смесь идеократии и государственного патернализма»⁷⁷. Впервые идея идеократического государства получила широкое обоснование в среде русской эмиграции благодаря усилиям членов евразийского кружка (в него первоначально входили Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Флоровский и П.П. Сувчинский). Об отличиях такого государства от государства либерально-демократического пишет Н.С. Трубецкой: «Под демократией разумеется строй, в котором правящий класс отбирается по признаку популярности в известных кругах населения... Под идеократией же разумеется строй, в котором правящий слой отбирается по признаку преданности одной идее-правительнице. Демократическое государство, не имея собственных убеждений (т. к. правящий слой его состоит из людей разных партий), не может само руководить культурой и хозяйственной жизнью населения, а потому старается как можно меньше вмешиваться в эту жизнь (“свобода торговли”, “свобода искусства” и т. д.), предоставляя руководство ею безответственным факторам (частному капиталу и прессе). Наоборот, идеократическое государство имеет свою систему убеждений, идею-правительницу, и в силу этого непременно должно само организовывать все стороны жизни и руководить ими»⁷⁸. Часто такое видение государственности упрекают в том, что оно подразумевает наличие жертв, приносимых на алтарь той или иной идеи. Жертвы бывают разные, в том числе и необходимые, неминуемые. На наш взгляд, готовность идти на жертвы ради высшего – признак подлинного величия народа.

⁷⁷ Юрьев М.З. Естественным для русских вариантом государственного устройства является смесь идеократии и государственного патернализма // Российское государство: вчера, сегодня, завтра. М., 2007. С. 434–440.

⁷⁸ Степанов Н.Ю. Национально-государственный идеал в представлениях евразийцев 1920–1930 гг. Национальная идея на европейском пространстве в XX веке. М., 2005. С. 68.

ГЛАВА 3. РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА

Гражданская культура в национальном государстве и в империи

Развитие гражданского сознания и гражданского общества исторически связано со становлением института национального государства. Не всякое государство является национальным. Не всякая нация оформлена в политическом отношении, то есть далеко не всегда границы государства и нации совпадают. Когда мы говорим о нации, что мы имеем в виду? Для разъяснения этого термина воспользуемся дефинициями, которые дает известный британский философ и антрополог Э. Геллнер: «1. Два человека принадлежат к одной нации лишь только в том случае, если их объединяет одна культура, которая в свою очередь понимается как система идей, условных знаков, связей, способов поведения и общения»⁷⁹. 2. Два человека принадлежат к одной нации лишь только в том случае, если они признают принадлежность друг друга к этой нации»⁸⁰. Два принципа конституируют нацию: «принцип культурной общности» и «принцип добровольности». Когда эти принципы становятся фундаментальными для общества, объединенного в одно государство, образуется *национальное государство*. Идеологией, которая отстаивает существование национального государства как

⁷⁹ Речь идет о национальной культуре. Не следует путать ее с другими формами культуры, которые могут носить как более широкий, так и более узкий характер.

⁸⁰ Геллнер Э. Нации и национализм. Глава I. Определения. М., 1991. URL: http://www.e-reading.me/bookreader.php/1019915/Gellner_-_Nacii_i_nacionalizm.html (дата обращения: 31.11.2015).

лучшего способа интеграции человеческих сообществ (а значит легитимизирует его), является национализм. «Национализм – это прежде всего политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать»⁸¹.

Национальное государство – явление историческое. Эпоха Модерна характеризуется вытеснением капиталистическим типом производства всех остальных в экономике; преобладанием научного знания и научного мировоззрения в культуре (разум человека полагался всесильным, способным решить любую проблему и найти ответ на любой вопрос); становлением национального государства в политике, когда носителем власти выступает нация взамен суверенов-монархов. Национальное государство пришло на смену феодальным монархиям и утвердило ценность права как главного регулятора человеческих отношений. Важно понимать, что оно как явление неотделимо от других элементов единой системы: капитализма в экономике и пафоса рациональности в культуре. Национальное государство – продукт Модерна⁸², его составная часть, и окончание Модерна влечет за собой закат национальных государств. Модерн постулирует право как высшую ценность, но самого права оказывается недостаточно, чтобы национальное государство существовало как самостоятельная единица. Таковым оно становится лишь благодаря национальной культуре, которая скрепляет сознания индивидов через приобщение их к общим нормам, традициям и смыслам. При этом национальная культура, которая складывается в эпоху индустриальной революции, не тождественна культуре традиционной. Она связана с наличием системы секулярного образования, распространением грамотности и научного типа мышления, процессом культурной гомогенизации в пределах национальных сообществ.

Неоценимая заслуга Модерна в том, что он впервые сделал возможным появления на свет человека, понимающего и знающего себя как независимого от монарха, помещика, государства или церкви, человека, способного и готового мыслить самостоятельно, выстраивать свои отношения с государством, *осознавая*

⁸¹ Геллнер Э. Нации и национализм. Глава I. Определения.

⁸² Существуют разные концепции, описывающий феномен модернизации. Одна из наиболее аргументированных принадлежит Э. Гидденсу. См., например, его работу «The consequences of Modernity» (Cambridge Polity Press, 1990).

свои права и обязанности. Благодаря постепенному раскрытию такого сознания вширь и вглубь происходит становление гражданской культуры.

Понятие «гражданин» пришло из Древнего Рима, в котором гражданин (*civis*) – свободный житель города, обладающий полнотой прав и принимающий непосредственное участие в делах города, решении важнейших его проблем. В русский язык современное значение слова «гражданин» было введено в конце XVIII в. Радищевым – «лицо, принадлежащее к населению какого-либо государства, пользующееся определенными правами», а также «человек, служащий родине, народу, заботящийся об общественном благе»⁸³. Начиная с Радищева, в русской культуре закрепилось двойное значение за этим словом: с одной стороны, гражданин – тот, кто обладает неотчуждаемыми правами, а потому и достаточной долей свободы относительно государства, с другой стороны, гражданин не может быть равнодушен к бедам и горестям народа, он *обязан* думать и заботиться о жизни общества, неотъемлемым членом которого он является. Второй аспект понятия налагал требования этического порядка на всякого, кто претендовал на статус гражданина.

Благодаря национальному государству появились условия, при которых гражданское общество смогло обнаружить себя. Но само понятие «нация» стало необходимым именно потому, что на смену старой идентичности («мы – поданные одного короля», «мы – католики») должна была прийти новая, при которой каждый имел право на свободу вероисповедания и право самостоятельно (а не по указу монарха) определять свою судьбу. Принятия конституции для формирования новой идентичности было недостаточно. Право не позволяет обнаружить специфику той или иной страны, того или иного народа. Конституции схожи между собой. Главная роль в деле формирования новой идентичности принадлежала национальной культуре и национальному языку как средству коммуникации носителей этой культуры. Через культуру задавались ориентиры для будущего, определялись ключевые ценности, разделяемые представителями данной нации, и с помощью нее же конструировался определенный образ прошлого, общего исторического пути данного народа. Например,

⁸³ Этимологический словарь русского языка. М., 2003. URL: <http://enc-dic.com/semenov/Grazhdanin-597.html> (дата обращения: 25.02.2016).

для англичанина одним из символов, олицетворяющих историю его страны и выступающих на страже преемственности поколений, является королевская семья, уже давно не обладающая действительными властными полномочиями. Французы ежегодно празднуют день взятия Бастилии, символизирующий Великую французскую революцию. Несмотря на жестокости и трагизм хода революции, французы дают себе отчет в том, что без нее не было бы современной Франции. Для американцев национальным праздником стал день независимости (4 июля). Подобные даты и символы есть у каждой нации, национальная символика всегда разнообразна и многоуровневая, она усваивается бессознательно человеком с детских лет. Национальные символы всегда специфичны (их не найти у других наций), они передают особые смыслы, в ходе приобщения к которым (хотя и не только к ним) формируется национальное сознание.

Однако национальные ценности всегда ограничены. «Что русскому хорошо, то немцу смерть», – гласит известная поговорка. Национальная культура – культура локальная, пределы ее распространения определены достаточно четко. И выйти за эти пределы она не в силах. В противном случае она сталкивается с другой национальной культурой, приоритетом над которой она не обладает. Национализм, выдвигая идею нации как высшей формы общественного единства, закрывает перспективы для более обширных форм такого единства.

Более того, национализм зачастую противопоставляет интересы одной нации интересам других. На этой почве прорастает национальный эгоизм. Этот эгоизм не позволяет человеку взойти на следующую ступень на лестнице идентичности, осознать себя членом всего человечества, принять общечеловеческие ценности. В этом есть отступление назад⁸⁴, если сравнивать сознание религиозного человека и сознание светского человека, сфокусированного на защите национальных интересов. Любая из традиционных религий претендует на общемировую значимость, и ценности, которая она утверждает, для религиозного человека выступают в качестве вечных ценностей, необходимость принятия которых существует для

⁸⁴ «Национализм должен быть осужден христианской церковью как ересь», – считал Н.А. Бердяев, имея в виду крайние формы национализма (*Бердяев Н.А. Христианство и антисемитизм*. Париж, 1938. URL: <http://www.vchi.net/berdy-aev/ant2.html> (дата обращения: 21.09.2015)).

каждого независимо от пола, расы, этнической или национальной принадлежности. В этом одна из причин того, что религии были опорой для традиционных империй, ведь империя подразумевает существование наднациональных ценностей, разделяемых большей частью населения империи. Такое отступление от общечеловеческого к национальному дало простор человеку и вариативность для его выбора. Религии оказались слишком непримиримы друг с другом, чтобы утвердить действительно общечеловеческое учение. Но проблема поиска общечеловеческих идеалов осталась. Процесс глобализации вновь выносит ее на повестку дня.

Модерн выдвинул ценность права как универсального принципа, который должен лежать в основе мирового порядка. Безусловно, идея неприкосновенности основных прав человека – великая идея. Однако она не позволяет решить ряд важнейших проблем, с которыми сегодня столкнулось человечество. Право, открывая возможности, позволяет человеку совершать осознанный выбор, но оно не дает этического идеала, в том числе идеала совершенного или совершенствующегося человека. Модерн создал нового человека, существенно отличного от человека традиционного. «Продуктом модернизационного развития стал, прежде всего, новый человек – целерациональный, смотрящий на свою жизнь как на путешествие, которое он тщательно планирует»⁸⁵. В современной Европе такой тип человека уходит в прошлое. И он не прижился в странах другой – неевропейской – культуры. Оказалось, что иррациональное не менее значимо, чем рациональное.

Национальная парадигма позволила многим народам найти свой путь в обновляющемся мире. Одно из главных ее достижений в том, что она способствовала утверждению ценности права как части общемировой культуры. Но полагать эволюцию гражданской культуры и становление института национального государства как неотделимые друг от друга процессы, по нашему мнению, некорректно. Из необходимости развития гражданских начал в современной России вовсе не следует неизбежный вывод о необходимости построения национального государства. Гражданская культура сама определяет те формы, в которых народ решает продолжать свое историческое существование.

⁸⁵ Федотова Н.Н. Изучение идентичности и контексты ее формирования. М., 2012. С. 117.

Очень часто *гражданственность* противопоставляется *имперскости* как антипод. Справедливо ли это? Одно из самых развитых гражданских обществ древнего мира – римское – создало одну из самых больших и долговечных империй. Римская империя и Византия (Восточная Римская империя) – это *империи с относительно развитой гражданской культурой*. Конечно, в сравнении с государствами современности, гражданское самосознание в них не достигло должного уровня. Но преемственность гражданской культуры во времени, от эпохи к эпохе происходила не вопреки, а благодаря римской (византийской) государственности.

Западные страны унаследовали юридические начала от римского гражданского права и конкретным источником его была кодификация, составленная в 529–534 годах при византийском императоре Юстиниане Великом. «Правовой партикуляризм был в меньшей степени свойственен византийскому праву в отличие от стран средневековой Европы. Византиец, в первую очередь, считался гражданином государства, сословный статус имеет не определяющий, а вспомогательный характер правового регулирования. Право равным образом распространяется на всех граждан империи. Ни одно сословие или иная общественная группа не исключается от воздействия его предписаний»⁸⁶. Среди императоров Византии было немало выходцев из низших сословий (среди них Юстин I, Василий I Македонянин, Михаил IV Пафлогон и др.). Законы империи позволяли стать императором любому человеку, в том числе и простому крестьянину. Другое дело, что практически это право ограничивалось интересами представителей знати, армии, духовенства и самих императоров, желавших видеть на престоле своих сыновей.

Империя отлична от национального государства не тем, что в первой полностью отсутствует гражданская культура, а во втором она достигает своего расцвета. Гражданство в империи мыслится в первую очередь как служение общему благу, исполнение обязанностей, возложенных обществом. Второе (из двух приведенных выше) определение гражданина как «человека, служащего родине, народу, заботящегося об общественном благе» органично для

⁸⁶ Макаров Д.А. Система права Византийской империи: историко-правовой аспект: Дис... кандидата юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2007. С. 8.

имперской культуры. Первое определение гражданина как «лица, принадлежащего к населению какого-либо государства, пользующегося определенными правами» характерно для парадигмы национального государства. Между обоими определениями нет противоречия. Очевидно, что человек может пользоваться неотчуждаемыми правами и служить своему отечеству, не противопоставляя свои личные интересы государственным.

Одним из ярких примеров такого типа человека, которому удавалось совмещать преданность империи и личное достоинство гражданина, был А.С. Пушкин, певец империи и свободы по выражению Георгия Федотова. «Пушкин никогда не отъединял своей личности от мира, от России, от народа и государства русского. В то же время его живое нравственное сознание, хотя и подчиненное эстетическому, не позволяло принять все действительное как разумное. Отсюда революционность его юных лет и умеренная оппозиция режиму Николая I. Но главное, поэт не мог никогда и ни при каких обстоятельствах отречься от того, что составляло основу его духа, от свободы. Свобода и Россия – это два метафизических корня, из которых вырастает его личность»⁸⁷.

Государственные интересы в империи стоят на первом месте, личные интересы в ней подчинены общим. В классическом национальном государстве приоритет отдается частным интересам, государство призвано охранять их и по возможности согласовывать их через установленные посредством общественного договора процедуры и институты. Достижение равновесия между частным и общим, между служением государству и сохранением неприкосновенности индивидуальных прав – задача в социальном плане еще не решенная, но уже поставленная историей. Образец такого равновесия не был явлен в истории сообществ, но был предугадан в психологических качествах отдельных личностей (таких как А.С. Пушкин).

⁸⁷ Федотов Г.П. Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX века. М., 1990. С. 356–357.

Между правом и правдой: о некоторых особенностях русской гражданской культуры

В силу тех исторических условий, в которых происходило формирование российского государства, становление гражданской культуры не могло происходить независимо от воздействия внешних факторов, то есть культур иных народов и в первую очередь европейских. В XIV–XV веках процесс собирания русских земель проходит параллельно с процессом созидания единого культурного поля, определяемого духом православного учения. Российское государство выступает в роли христианской державы, тем самым противопоставляя себя Востоку и наполняя нравственным содержанием борьбу с татаро-монгольским игом, а позже и дальнейшее продвижение за Урал. Православный фактор, став решающим культурообразующим фактором на несколько столетий, предопределил многие культурные особенности нашей страны⁸⁸. Он оградил русский народ от поглощения его исламской цивилизацией, надвигающейся с Юга и позже из Средней Азии. В то же время он сделал русскую цивилизацию иной и в сравнении с европейской. Разница между католицизмом и православием слишком значительна, чтобы возможно было становление единой цивилизации в лоне этих двух конфессий. Европа и Россия вышли из христианства, в этом заключается их родство. Но они вышли из двух очень отличных друг от друга течений христианской культуры, а потому родство их носит весьма противоречивый характер. Россия – эта другая Европа. Потому европейцы всегда испытывали перед русскими бессознательный страх, видели в России угрозу своему существованию. Это объясняется тем, что Россия в зеркале Европы – ее “alter ego”, второе “я”, от которого она прячется и которое она не в силах постигнуть.

Гражданская культура в Европе получила более раннее развитие, хотя оно, об этом не стоит забывать, не завершено. Европейская гражданская культура не абсолютна и не универсальна. Однако по причине того, что именно Европа впервые подняла вопрос о гражданских свободах не только в теории, в рассуждениях отдельных мыслителей, но и на практике, сделав его краеугольным камнем

⁸⁸ Одна из интересных попыток осмыслить судьбу России сквозь призму православного идеала представлена в книге: *Казин А.Л. Последнее царство (Русская православная цивилизация)*. СПб., 1998.

политической жизни, – по этой причине все остальные народы вынуждены были так или иначе соотносить свой гражданский быт с теми порядками, которые утвердились в Европе и Америке, ставшей Новой Европой. Россия как старый сосед европейских стран, имеющий с ними давнюю историю взаимодействия (как вооруженных столкновений, так и сотрудничества), была и остается особенно чутка к веяниям европейской культуры. Россия – это другая Европа, и в этом факте кроется решение загадки столь яростного противостояния славянофилов и западников. Для западников очевидно, что Россия – это Европа, и что без освоения европейского наследия у России нет будущего, ибо на стороне Европы прогресс. Для славянофилов очевидны существенные отличия российской цивилизации от европейской и негативные стороны последней.

О кризисных тенденциях внутри европейской цивилизации, имевших место еще в XIX веке, писал И.В. Киреевский: «Так западный человек, исключительным развитием своего отвлеченного разума утратив веру во все убеждения, не из одного отвлеченного разума исходящие, вследствие развития этого разума потерял и последнюю веру свою в его всемогущество. Таким образом был он принужден или довольствоваться состоянием полускотского равнодушия ко всему, что выше чувственных интересов и торговых расчетов (так сделали многие, но многие не могли, ибо еще сохранившимися остатками прежней жизни Европы были развиты иначе), или должен был опять возвратиться к тем отвергнутым убеждениям, которые одушевляли Запад прежде конечного развития отвлеченного разума, – так сделали некоторые; но другие не могли потому, что убеждения эти, как они образовались в историческом развитии Западной Европы, были уже проникнуты разлагающим действием отвлеченного разума и потому из первобытной сферы своей, из самостоятельной полноты и независимости, перешли на степень разумной системы и оттого являлись сознанию человека западного как односторонность разума, вместо того чтобы быть его высшим, живительным началом»⁸⁹. Эти кризисные тенденции, имевшие разлагающее значение для души человека, не только не были преодолены к началу века XXI, но и вышли на новый виток, представ в идейном и художественном хаосе культуры Постмодерна.

⁸⁹ Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М., 2007. С. 157.

Славянофилы были правы, когда писали о тех опасностях, которые исходят от Европы, о том, что далеко не всему следует учиться у Запада. Но западники были правы не меньше, утверждая то, что учиться нужно и очень многому. Противоречия и трагедии русской гражданской жизни были во многом обусловлены господством в сознании русских интеллигентов когнитивной вилки: “Россия – Европа” или “Россия – не Европа”. Не отчуждение от европейской культуры, но творческое переосмысление ее наследия – единственное, что может помочь утверждению русской самобытности и вместе с тем вывести Россию из круга самоограниченности.

Трансформации ментальности западного человека (которые красочно характеризовал И.В. Киреевский) привели к тому его положению, что “правда” стала частным делом каждого, то есть “правды” не стало вовсе, ибо правда по определению не может быть частной. Частным может быть мнение или позиция. Отсюда торжество либерального взгляда на мир, при котором остается лишь одно – консенсус на взаимовыгодных условиях частных “правд”, то есть интересов, которые к правде не имеют никакого отношения.

Вслед за Н.К. Михайловским правда определяется нами через раскрытие двух сопутствующих ей категорий, а именно как правда-истина – знание о «мире как он есть» и правда-справедливость – знание «о том, каков мир должен быть»⁹⁰. Если углубить эти определения, придать им метафизическое измерение, то правду можно определить: 1) как *истину*, то есть цельное представление о высшем начале (или началах) и его связи с человеком и миром, которое полагается верным и не подлежащем сомнению, и 2) как *справедливость*, то есть представление об общем благе, которое полагает должным осуществление социального идеала (пусть и в отдаленном будущем), согласного с *истиной*⁹¹. Важным здесь является тот момент, что справедливость полагается неотрывной от истины, постижение реальности – необходимым условием для ее благого преобразования, а преобразование, улучшение реальности – обусловленным от познания ее основ. При этом нужно подчеркнуть, что

⁹⁰ Михайловский Н.К. Письма о правде и неправде // Михайловский Н.К. Соч. Т. IV. СПб., 1909. С. 414.

⁹¹ Подробнее о справедливости в феноменологическом ракурсе см.: Вольнов В.В. Феномен справедливости // Социум и власть. 2007. № 1–2. С. 20–27.

всякое окончательное определение столь фундаментального понятия как «правда» невозможно именно в силу его фундаментальности. Выступая в роли опоры, оно само служит смыслообразованию менее нагруженных понятий, хотя по этой же причине и возникает потребность в прояснении используемых категорий.

В русской культуре категория “правда” была на протяжении долгого времени одной из основополагающих, задающей смысловые и политико-социальные ориентиры и тем самым определявшей ход исторического процесса⁹². Евразийский мыслитель Н.Н. Алексеев, не разделявший убеждения большевиков, писал: «Как бы не оценивали российскую революцию, одно несомненно: в ней проявилось громадное напряжение русского народа в искании политической и социальной правды»⁹³. В работах Н.Н. Алексеева сформулирована концепция «государства правды», с которой во многом солидаризируется автор данной монографии. «Государство правды» – это такое государство, основными регуляторами для которого выступают *ценности и идеалы*, имеющие глубокие основания в народной жизни и стоящие поверх формального права и закона. Концепцию «государства правды» неверно было бы понимать, как декларирование такого социально-политического уклада, при котором государство определяет для всего общества, что есть правда. Не государство определяют правду, но правда ограничивает и наполняет содержанием деятельность государства. В этом смысле «государства правды» есть нравственное государство⁹⁴.

Как соотносится понятие правды и понятие гражданина? Гражданин – тот, кто осознает себя частью целого, тот, кто выстраивает отношения с целым – обществом – исходя из понимания своего долга перед ним и понимания долга государства перед гражданином⁹⁵. Гражданин «без правды», т. е. имеющий лишь

⁹² См., например: *Рачков П.А.* Правда – справедливость // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1996. № 1. С. 14–33.

⁹³ *Алексеев Н.Н.* На путях к будущей России. Русский народ и государство. М., 2003. С. 289.

⁹⁴ Об этом понятии см. материалы конференции // Нравственное государство как императив государственной эволюции: материалы Всерос. науч. конф. (г. Москва, 27 мая 2011 г.). М., 2011.

⁹⁵ Деля акцент на устремленность гражданина к общественной пользе, И.К. Пантин дает следующее определение гражданскому обществу: «Гражданское общество – это, прежде всего, борьба за общее благо,

свои частные интересы, выстраивает отношения с государством таким образом, чтобы государство по максимуму удовлетворяло эти интересы. Ущемляет ли удовлетворение его личных интересов интересы других граждан его не слишком волнует, по крайней мере, до тех пор, пока не возникает конфликта в том или ином виде. Конфликт интересов и право сильного – повседневная реальность либерального общества в том виде, как оно сложилось. И каждый из участников конфликта стремится выйти из него победителем; компромисс же достигается тогда только, когда все участники конфликта понимают, что дальнейшее его продолжение для них невыгодно. Это узаконенная «борьба всех против всех» (вполне по Т. Гоббсу).

Гражданин, для которого существует правда как универсальная категория, выстраивает свои отношения с обществом и государством, опираясь на правду, то есть на цельные представления о справедливости и общем благе. Тогда гражданин не стремится к удовлетворению своих интересов любой ценой, ибо поверх частных интересов для него стоит общее благо. И этому благу он служит. «Именно *служение* не позволяет русской философии снизить понимание общего блага до интерпретации его в прагматическом и утилитарном ключе и в конечном счете отождествить и заменить его понятием права, как это произошло в западноевропейской мысли»⁹⁶, – поясняет В.И. Спиридонова.

В свете служения общему благу гражданское общество предстает не в виде случайного сцепления борющихся между собой индивидов и групп интересов (партий, движений, союзов, блоков, лоббистских организаций и т. п.), но обладающим общим вектором движения, который может и должен корректироваться со временем. Развитие общества как чего-то цельного возможно лишь во втором случае (гражданственности с правдой). В первом случае (гражданственности без правды) единственным регулятором человеческих отношений остается формальный закон и формальное право.

независимо от своих личных интересов» (Пантин И.К. Интервью журналу «Полис». 2013. URL: http://www.civisbook.ru/index.php?page_id=204&ret=212 (дата обращения: 21.04.2016).

⁹⁶ Спиридонова В.И. Два вектора исторической эволюции государства // Нравственное государство как императив государственной эволюции: материалы Всерос. науч. конф. (г. Москва, 27 мая 2011 г.). М., 2011. С. 46–47.

Правда не отменяет значение права и закона, но стоит поверх них, и благодаря ней в обществе есть более весомые и неприкосновенные регуляторы – *ценности и идеалы*. «В нашу эпоху, – пишет тот же Алексеев, – когда и восточные народы стали жить самосознанием и уже не дремлют в старом блаженном сне, нельзя объединить государство иначе, как обращаясь к сознательности, ища в душах народных того стремления, которое способно создать солидарность, послужить основой для объединения. Союз народом, хотим сказать мы, можно сковать только на почве веры в общие идеалы»⁹⁷. Отказ от ценностей и идеалов есть отказ от самой культуры. А поскольку гражданская культура не самостоятельна, но имеет неразрывные связи с культурой в ее единстве и многообразии, в долгосрочной перспективе отказ от ценностей и идеалов приведет вначале к медленному угасанию, а потом и вовсе затуханию огня гражданской воли.

Если мы исходим из определения гражданского общества как совокупности всех граждан, сознательно принимающих участие в политической жизни, то факт включенности людей в процессы управления обществом имеет значение, но определяющим для его характеристики является не сам этот факт, а то, насколько сознательно это участие происходит. Сознательность одного типа предполагает погоню за удовлетворением личных желаний, и политика тогда будет являться лишь инструментом для реализации частного интереса. Человек может давать себе в этом ясный отчет, и в этом смысле быть сознательным. Но эта сознательность касается лишь понимания своих личных мотивов и не касается целого. Кроме того, даже для самых гнусных поступков человек склонен придумывать оправдания. Оправдания отличны от правды. Сознательность, при которой человек исходит из правды, предполагает воззрение на общество как целое и на себя как на часть его, а значит позволяет охватить гораздо более широкий спектр явлений. Мысль, порожденная таким сознанием, на порядок глубже и шире.

«Не слишком еще скоро мы дождемся, чтобы каждый честный и храбрый человек стал гражданином, а до той поры... постоянно будет утрачиваться в долгие периоды общественной апатии большая часть тех приобретений, какие делаются в мимолетные

⁹⁷ Алексеев Н.Н. На путях к будущей России. Русский народ и государство. М., 2003. С. 367.

эпохи общественного одушевления»⁹⁸, – мудрые и горькие слова Н.Г. Чернышевского! Но в чем причина мимолетности эпох общественного одушевления? Не в том ли, что одушевление происходит лишь тогда, когда гражданин понимает, *ради чего* он борется, *ради чего* готов он пойти на жертвы, как минимум, свободного времени, как максимум, собственной жизни. В периоды социальных катаклизмов обычные условия жизни становятся настолько невыносимы (например, продовольственный дефицит, порождающий голод), что на восстания и мятежи поднимаются массы. Но восстания и мятежи – не признак полноценной гражданской жизни, они лишь симптоматизируют о том, что государство не справляется с функциями, возложенными на него. Гражданин имеет своей целью не бунт, «бессмысленный и беспощадный», но он видит перед собой то устройство общества, которое считает правильным или более совершенным в сравнении с наличествующим. И ради этого идеала он сражается и трудится, ради него, ради правды, доступной его сознанию, он оказывается способен на подвиг.

В связи со сказанным возникает проблема субъекта⁹⁹, выступающего в роли носителя правды. Как возможно формирование социальной общности, которая могла бы выработать и транслировать идеи, отвечающие столь высокому критерию? На наш взгляд, эта проблема решается при понимании особенностей функционирования идеологических систем. В современности такие системы могут быть жизнеспособны лишь в том случае, если они являются системами *открытого типа*, то есть готовы к изменению и трансформации при соприкосновении и/или сопряжении с новаторскими научными и философскими идеями. Равно и сам социальный субъект, несущей ответственность за генерирование новой идеологии и ее распространение в том или ином обществе, должен обладать качествами *открытости* и *креативности* (способности творчески переосмысливать как самого себя, так и свои позиции). Эти качества не отменяют наличия базовых ценностей и идеалов, не подлежащих сомнению и переосмыслению, но делают гибкими идеологию на вторичном и третичном уровнях, а социальный субъект способным к тактическим маневрами и дальнейшему со-

⁹⁸ Цит. по кн.: *Пантшина И.К.* Судьбы демократии в России. М., 2004. С. 128.

⁹⁹ Об этой проблеме в общем смысле см.: *Лепский В.Е.* Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М., 2009.

вершенствованию. Следуют признать, что в России такого субъекта на настоящий момент не создано. Однако, на наш взгляд, отрицать потенциальную возможность его появления нельзя. И вполне может быть, что осознание *правды* как высшей ценности послужит импульсом для его зарождения и развития.

* * *

Вопрос о российском государстве при принятии идеи развития гражданской культуры правды также предстает в ином – непривычном – свете. Ее решение видится тогда не в том, чтобы вернуться к империи, такой, какая она была, и не в том, чтобы строить национальное государство по лекалам Модерна, но в том, чтобы преобразовать государство с опорой на данную культуру. Отличие от прошлых империй будет заключаться в том, что «правда» не спускается сверху, в «правде» насажденной силой всегда много лжи. Насилие в сфере убеждений само по себе есть кривда, искажение истины. Правда должна прорасти снизу – из гущи народной жизни – и захватить государство, изменив его изнутри. Общество должно найти свет в самом себе, и этим светом возродить государство на иных началах.

Не в том ли и заключается “русская идея”? Не есть ли русская идея – идея переустройства общества согласно принципам высшей справедливости, то есть принципам не произвольно выдуманными людьми, но отвечающим их глубинной духовной сути? Эта идея, вероятно, еще не выражена в полной мере в русской мысли, она еще не до конца нашла себя в культуре, и, тем более, она очень далека от воплощения в действительность. Но большинство русских интеллектуалов интуитивно предчувствовали и следовали за ней. Одним из первых, кто попытался выразить эту идею, парящую в воздухе, в слове был, как ни странно, яростный критик русской жизни и первый западник П.Я. Чаадаев. Он писал в «Апологии сумасшедшего»: «...у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество. Я часто говорил и охотно повторяю: мы, так сказать, самой природой

вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества»¹⁰⁰. Уж кого, а Чаадаева сложно заподозрить в пристрастии к идеализации русских нравов и русского быта.

Является ли русская идея той самой национальной идеей, которую вынуждено искать общество в последние годы? О правомерности понятия «национальная идея», сравнивая его с понятием «национального интереса», размышляет В.М. Межуев: «Различие между идеей и интересом трудно установить в границах существования одной нации, но оно становится очевидным, как только мы ставим вопрос о принадлежности данной нации к более широкой исторической общности – цивилизации. При несходстве своих национальных интересов разные нации, принадлежа к одной цивилизации, выражают свою общую принадлежность к ней в идее. Идея, следовательно, – это осознание своей цивилизационной идентичности, которую следует отличать от национального интереса. Можно спорить о том, в чем состоит эта идея, но она, несомненно, присутствует в сознании любого народа, принадлежащего вместе с другими к общей им всем цивилизации»¹⁰¹.

Невыраженность русской идеи является признаком невыраженности, неоформленности российской цивилизации, которая еще находится в процессе своего становления. Из чего не следует, что ее нет вовсе. Никто не отрицает существование русской культуры как культуры самобытной, уникальной и одновременно универсальной, несущей в себе общечеловеческие ценности. Цивилизация – это культура, которая нашла форму для своего окончательного выражения. Согласно О. Шпенглеру, цивилизация – закат культуры. С этим можно согласиться, но лишь отчасти, ведь продолжение развития культуры есть и продолжение развития цивилизации. Становление российской цивилизации – незавершенный процесс, и чем завершится и завершится ли он вообще – зависит от судеб русской культуры. Русская культура еще не нашла окончательные ответы на те вопросы, которые были поставлены в ней.

¹⁰⁰ Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего. Казань, 1906. URL: <http://www.vehinet/chaadaev/apologiya.html> (дата обращения: 08.11.2016).

¹⁰¹ Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М., 2006. С. 334.

Вопрос о государстве – одна из таких проблем. Противники становления российской цивилизации – в этом вопросе сторонники национального государства. Они исходят из того, что русский народ должен войти в семью европейских народов в статусе одной из европейских наций. То есть русским не следует искать свою цивилизационную идентичность, им достаточно принять европейскую цивилизацию как родную и «подтянуться» до уровня уже определившихся в этом вопросе народов. Последние события, происходящие вокруг ситуации на Украине, показывают, что при всем желании это задача невыполнима. Европа не собирается принимать Россию на правах одного из членов Союза даже в отдаленной перспективе. Европа не считается с национальными интересами России, рассматривая ее лишь в качестве колонии, из которой удобно поставлять природные ресурсы, но которая ни при каких обстоятельствах не должна стать серьезным игроком на мировой политической арене. Европейские власти панически боятся усиления России, превращения ее в империю того или иного качества. Одной из главных причин является то, что они сами строят новую империю (конкурентов «Рим» не терпит). В 2007 г. в интервью немецкой газете «Ди Вельт» председатель европейской комиссии Ж.М. Баррозу сравнил Евросоюз с империей, но тут же сделал оговорку, что это «неимперская империя»¹⁰². «Неимперская империя» – это все-таки империя. В основе европейского проекта лежит все та же старая римская идея, подвергшаяся трансформе с учетом опыта прошлых ошибок¹⁰³. По понятным причинам термин «империя» не фигурирует в дискурсе официальных европейских лиц, но иногда он все же «вылезает» наружу, приоткрывая завесу реальных планов.

Сторонники российской цивилизации делятся на два типа. Взор первых устремлен в прошлое, в нем они видят «потерянный идеал», то, к чему следует вернуться. Православная святая Русь – их греза. Их желания еще более незрелы, чем желания тех, кто

¹⁰² Dimensionen eines Imperiums. Die Welt. 17.10.2007. URL: http://www.welt.de/welt_print/article1272705/Dimensionen_eines_Imperiums.html (дата обращения: 09.12.2015).

¹⁰³ В 2006 году вышла книга оксфордского профессора Яна Зеленки «Европа как империя: природа расширенного Европейского союза» (Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union), посвященная этой теме.

видят перспективу во всеобъемлющей «европеизации». Прошлое ушло и к нему нет возврата. Каждый, кто знаком с российской историей, просто не имеет морального права грешить против истины и упиваться ретроградскими фантомами.

Другие сторонники российской цивилизации смотрят в будущее. Они находят в прошлом основание для прорыва вперед – через современность – в новую эпоху. Предпосылки – лишь точка опоры, от которой следует оттолкнуться, но не самоцель. Идея национального государства потому для них не приемлема, что они видят громадный нерастраченный потенциал у России, раскрытие которого сулит открытием новых исторических горизонтов для всего человечества. Они видят в русской культуре предвестие сверхнационального единства на принципах отличных от европейских – единства, основанного не на праве, но на правде. Правда не отрицает права, но стоит поверх него, вбирая его в себя. «Государство правды», как именовал будущее российское государство Н.Н. Алексеев, не может быть национальным государством, потому что задачи его шире национальных. «Государство правды» – империя, но не империя силы, а империя духа. Сила в нем подчинена духу, а не наоборот.

Такое видение проблемы предполагает готовность к историческому творчеству, к созиданию своего величия, оно требует мужества и воли, в противовес и пустой восторженности былой «святостью» (которой никогда не было), и слепому преклонению перед Западом. Невозможно предугадать заранее – окажутся ли правы те, кто верят в славное будущее России. Будущее не просчитывается рассудком. «В Россию можно только верить», – писал Тютчев. А можно и не верить. Выбор дороги навстречу мечте осуществляется через веру. Всегда будут те, кто не верят в будущее своего отечества, и они найдут аргументы в пользу того, что у него нет никакого особенного будущего. Найдутся и те, кто разделяет ту веру, которой сознательно или полусознательно были привержены лучшие русские умы. О вере не спорят.

«Государство правды» – не очередная ли это утопия? Пусть так. А разве всякая утопия плоха? Не приводит ли отсутствие идеала, пусть и недостижимого в скором времени, к глубокому кризису общества и культуры? И не является ли не очень убедительное (особенно для стороннего наблюдателя) состояние современной фило-

софии следствием потери *идеального*? «Проблема, перед которой стоит философия, – та же самая, перед которой стоит современное общество, – полагает академик А.А. Гусейнов. – У них нет идеальной перспективы. Нет некоего всеохватывающего, философски осмысленного и аргументированного идеала в качестве перспективы, вдохновляющей практические усилия по совершенствованию форм жизни. Старая утопия, делавшая ставку на счастливое преобразование мира через посредство науки и техники, потерпела крах. Новая утопия не выработана. Складывается впечатление, что общество собирается привыкать к укороченности и несовершенству земного существования, а философия – обходиться без метафизики и прорыва к трансценденции. <...> Можно предположить, что именно в этом, в отказе от утопий, в утрате морально-возвышающего пафоса заключается кризис современной философии»¹⁰⁴. Ряд мыслителей считают философию «квинтэссенцией культуры». Если это так и философия не откроет себя для идеального, то и вся культура окажется в состоянии упадка. Идеалы не судят, ими живут. Отечество не выбирают, ему служат. Не способный к самоотверженному служению не ощущает нужды в идеале. Но что есть человек, оставленный без надежды перед невзрачным лицом современности?

Российский народ: историческое самоузнавание

Сколько речей было сказано о национальной идее, которую якобы нужно найти русскому народу. Сколько слов было написано в попытках сформулировать эту идею, но формулировки бессильны, если они не основаны на реальном опыте и чувстве народной жизни. Русский народ на протяжении всей своей истории выходил из своих границ, он преодолевал себя старого и через это преодоление находил себя нового. Выход из границ своего прошлого существования (не только географических и политических, но и смысловых, культурных) и нахождения себя вне старых пределов – в этом суть имперскости русских. Русский народ – народ расширяющийся, осваивающий новое и собирающий множество

¹⁰⁴ Гусейнов А.А. Философия как утопия для культуры // Вопр. философии. 2009. № 1. С. 16.

непохожих в одно целое. И если говорить о национальной идее и предназначении русского народа, то в чем оно может еще заключаться как не в собирании многих в единое?

Но признать это, значит отказаться от строительства национального государства, то есть такого государства, которое ограничивает само себя. И речь опять же идет не столько о политических границах, которые меняются, но всегда есть и будут, сколько о границах духа, границах культуры. Ведь любое национальное государство ограничено национальной культурой, нация целостна лишь тогда, когда она связана традициями, нарративами и ценностями, задаваемыми этой культурой. Без нее нация рассыпается или завоевывается изнутри представителями более пассионарных национальностей, которые вписавшись в нее формально, на деле привносят совершенно иную культуру, изменяя облик нации до неузнаваемости. Именно это и происходит сейчас во многих странах Европы, когда выходцы из исламского мира, в том числе и те, которые являются гражданами европейских стран, не отказываются и не думают отказываться от традиционных ценностей ислама. Они не вливаются в русло европейской цивилизации, но добиваются утверждения этических норм своей культуры как естественных и неприкосновенных.

Особенность русской культуры – это выход за свои пределы и умение черпать из других культур то, что позволило бы ей продолжать себя. Выражаясь иначе, национальная культура России сверхнациональна, то есть национальная культура России содержит в себе неотчуждаемую ценность интернационализма (называемого разными именами, но суть которого всегда сводилась к наличию представления об общем благе разных народов в противовес благу одного за счет других), отречение от этой ценности привело бы к отречению и от национальной культуры, без которой строительство национального государства немислимо. То есть, как это ни парадоксально звучит, если мы стремимся к возрождению национальной культуры, то мы должны думать не о строительстве национального государства, а о созидании империи.

Но какой империи? Великобритания, Франция, Испания, Голландия, Германия, Дания успели побывать с разным успехом в статусе метрополий и во многом за счет ресурсов зависимых территорий построить свою экономику. Территории, присоединяемые на протяжении веков к России, не были ущемлены в правах в сравнении

с первоначальными, население, проживающее на них, нельзя назвать эксплуатируемым. Присоединение к России Средней Азии привело к преодолению безграмотности, разительному повышению культурного уровня ее народов, разрешению этнических противоречий внутри региона и ускоренному экономическому росту среднеазиатских республик, продолжавшемуся весь XX век. Для кавказских народов присоединение к Российской империи означало спасение от притязаний со стороны Османской империи и Персии, нахождение под владычеством которых тогда было равносильно медленной гибели, утрате всякой самостоятельности и самобытности. Прибалтийские страны, антиимперские настроения в которых наиболее сильны, за последние два десятилетия потеряли значительную часть своего населения (люди непрекращающимся потоком переезжают на Запад, в основном в статусе рабочих низкой квалификации) и большую часть своих производительных мощностей. В то время как в Советском Союзе Прибалтика занимала лидирующие позиции и по темпу роста производительных сил, и по качеству жизни.

Россия – империя континентальная. Причем присоединяемые вновь территории всегда рассматривались не как чужие, которыми можно пользоваться, не особенно считаясь с нравами населяющих их народов, но как свои, как органические части одного тела. Россия – империя органическая, стремящаяся к созданию единого геополитического пространства, функционирующего на подобии одного организма.

Однако возникает вопрос, если Россия никогда не была колониальной империей, то есть не угнетала присоединенные народы, из-за чего сами народы чувствовали чрезмерное давление со стороны государства и при кризисе советской власти добровольно вышли из состава СССР? Ответ на этот вопрос кроется не в национальной политике власти дореволюционной и советской (которая, конечно, не была абсолютно идеальна, но никогда и не была направлена на ущемление прав национальных меньшинств), а в природе самой власти.

К сожалению, отчуждение народа от государства – это одна из главных проблем российской истории. Если говорить о демократизации как процессе преодоления этого отчуждения, то следует признать, что он не завершен до сих пор и те ростки его, которые иногда давали побеги в форме гражданской активности того

или иного вида, зачастую уничтожались самой властью, иногда по причине страха перед этой активностью, иногда просто в силу инерции исторического движения. Зачатки демократизации подавлялись в независимости от того, в каком народе или народности эти демократические тенденции проявлялись. Русский народ был отчужден от государства не в меньшей степени, чем другие народы, населявшие империю. То есть данную проблему неверно рассматривать под углом зрения оппозиции “метрополия-колония”, в которой метрополия – пространство русского народа, а колонии – пространства других народов. Как показывает история последнего двадцатипятилетия, власть в бывших советских республиках после их отделения не стала более демократичной, в отдельных случаях произошло возвращение к почти средневековым порядкам и нравам, и на месте бывших республик образовались “ханства”, прикрытые фасадом “современного государства”.

В отказе от импероподобного типа государственного устройства не просматривается решение проблем российской власти. На наш взгляд, это решение находится в другой плоскости. Возрождение русского имперского духа, способности русского человека выходить за границы привычного быта и бытия, вбирать и понимать «другое», учась у «иных», даст новый стимул для развития гражданских начал, а не уничтожит все демократическое, что было завоевано с трудом в ходе исторического процесса. Совместно с этим процессом, а не вопреки ему, способна утвердиться та форма демократии, при которой народы, населяющие нашу страну, могут, не теряя своих корней и своей самобытности, выражать свою волю ненасильственным методом и при которой существует консенсус в том, что касается основополагающих целей и ценностей (то есть когда существует не только «право», но и «правда»). Правда эта – не частная правда, не личная истина, а правда общая, коллективная, в которой находит свое отражение вселенская истина. Такой подход позволяет уйти от чрезмерного индивидуализма, больше характерного для западной (в особенности протестантской) культуры. Быть свободным не значит противопоставлять себя другому или выстраивать отношения с другим на договорной основе. В договоре всегда есть отчужденность, которая преодолевается лишь через умение прийти к согласию в духе, то есть в том, что стоит над рассудком, над узко-рациональным.

Проблема империи в контексте российской истории – это не проблема прошлого, это проблема будущего. *Вопрос в том, какой быть России. Вопрос в том, как быть, чтобы быть Россией. Как быть, чтобы остаться собой. И вопрос в том, как быть, чтобы история продолжалась, чтобы продолжалось развитие.* Ответы на эти вопросы даст только время. Но время – это люди, времена таковы, каковы люди, живущие в данное время и творящие его. И каким будет будущее зависит от нас. И будет ли оно или может произойдет возврат в прошлое, инволюционный разворот?¹⁰⁵ Многие сейчас говорят об упадке, но восхождение к высшему также необходимо для человека как эволюция для растительного и животного царств. Свобода и единство – часто противопоставляемые понятия, но российская действительность вынуждает учиться совмещать то и другое, учиться независимости и солидарности.

Россия – многомирный Мир. М.Я. Гефтер называл ее Миром миров¹⁰⁶. Гражданин России – это гражданин Мира, то есть тот, кто умеет понять правду других миров, не только своего локального «мирка». И через приобщение к правде другого мира (мира другого человека, мира другой культуры, мира другой веры, мира другого уклада) он преоборевает свою ограниченность и, выходя за пределы, становится гражданином Мира. Выходя из себя, он возвращается к себе обновленным. Таков русский гражданин в своей потенции. А вот раскроется ли она или нет, зависит от того, найдет ли в себе русский человек уже почти утерянную способность к такому выходу, к жизни за пределом.

Задача на ближайшие десятилетия – собирание империи нового типа или, другими словами, интегративного государства. Эта задача обусловлена как внешними вызовами, вызванными сущностью глобализационных процессов, так и внутренними, связанными с общеструктурным кризисом всего российского общества. Собираение империи есть одновременно собирание российского (или советского) народа и его возвращение в историю. Оно [соби-

¹⁰⁵ Ряд современных научных исследований посвящен проблеме архаизации общества, см.: *Ламажсаа Ч.К.* Архаизация общества. Тувинский феномен. М., 2013; *Федотова В.Г.* Архаизация в современном мире // *Филос. науки.* 2012. № 5. С. 26–36.

¹⁰⁶ *Гефтер М.Я.* Мир миров: российский зачин. 1994. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/history95-97/gefter-zachin/ (дата обращения: 27.09.2015).

вание] может произойти лишь в том случае, если прежде очнется от «полусна»” русский народ, на протяжении всей прошлой истории бывший ядром, к которому притягивались и вокруг которого выстраивались другие народы. Русский народ имеет достаточный опыт и творческий потенциал для того, чтобы обратиться к себе другие народы как к центру духовной и политической силы. Будет ли этот потенциал пробужден и использован – вопрос, от разрешения которого зависит судьба нашей цивилизации. В условиях продолжающейся глобализации альтернативой для России является перспектива стать страной, вынужденной встраиваться в игру, правила которой определяет другой макрорегиональный лидер (таким лидером может быть Китай или Европейский Союз), которому она будет интересна только в качестве сырьевого придатка. Этот сценарий неизбежно приведет к полному краху не только имперской, но и вообще любой российской государственности. Собрание интегративного государства или Союза (этот термин выглядит более приемлемым с точки зрения официальной риторики) не будет происходить только за счет усилий власти, которая на данный момент не понимает всего масштаба вызовов, поставленных перед ней. Оно окажется вероятным только при условии пробуждения гражданской активности снизу.

Свободен лишь тот, кто действует сознательно¹⁰⁷. Политическая свобода сопряжена с политической ответственностью и сознательностью в выборе той или иной альтернативы действий. Чувство исторической ответственности – то, что отличает настоящего политика от политикана. Нельзя заставить человека быть ответственным, но можно вынудить безответственного уйти с занимаемого поста. Народы, населяющие страны бывшего Союза, ушли не от России, не от русского народа, они бежали от власти, оттолкнувшей от себя миллионы своей безответственностью. Они ушли от безысходности, из-за потери доверия к элите. Собрать Союз возможно лишь после радикальной трансформации российской власти, после прихода во власть элиты совершенно другого качества.

¹⁰⁷ «Свобода есть осознанная необходимость», – классическое определение свободы, которое восходит к стоикам, оно стало известно в Новое время благодаря Спинозе, использовалось в трудах Г.В.Ф. Гегеля, О. Конта, К. Маркса, Г.В. Плеханова.

Заключение

Российское государство формировалось под воздействием множества факторов, которое обуславливало логику его развития. Многие из этих факторов остаются обуславливающими дальнейшее его развитие и по сей день. Среди них: географический фактор (наличие огромных просторов и разнообразие природных ландшафтов); полиэтничность населения; сложное геополитическое положение¹⁰⁸; плохая налаженность горизонтальных связей между регионами и, как следствие, неизбежный централизм; наличие широкого спектра культур, вынужденных ужиться рядом друг с другом и искать общие истоки и смыслы для формирования единого ценностного поля. Эти факторы нельзя отбросить, их нельзя не учитывать, они носят неотвратимый характер.

Под влиянием этих и некоторых других исторических факторов российское государство сформировалось как государство имперского типа. Вокруг понятия «империя» сложилось немало мифов, которые не позволяют произвести различие между сущностью имперскости как таковой (в ее отличии от сущности неимперских государственных образований) и особенностями конкретных исторических имперских государственных образований. Например, насилие в качестве инструмента расширения своего господства использовала (и продолжают использовать!) не только имперская власть, но и правительства европейских национальных государств, и властители этногосударств¹⁰⁹, и вожди диких доисторических племен, и почти всякая власть, которая известна истории. Вопрос заключается в том, почему имперской власти удавалось распространить свое господство на столь обширные территории и сохранять его в течении

¹⁰⁸ С Запада подступает европейская цивилизация в ее постмодернистском варианте. На Юге распростерся беспокойный, бушующий архипелаг мусульманских стран, хаос из которых легко может перекинуться в приграничные российские регионы. На Востоке встает в полный рост древний, но ставший современным, Китай, экономическая мощь которого (при слабости нашей собственной экономики) является угрозой для нас в силу объективных закономерностей обращения капитала.

¹⁰⁹ Например, режим в современной Северной Корее можно назвать «диктаторским», «тоталитарным», «волюнтаристским» и т. п. Но из этого никак не следует, что к Северной Корее применим термин «империя». Северная Корея – относительно небольшое этническое государство.

продолжительного времени (иногда целых эпох), а другим государствам – не-империям – этого не удавалось. Поиск ответов на этот и схожие с ними вопросы (как империям удавалось сглаживать межэтнические противоречия, не позволять возобладать сепаратистским тенденциям, за счет каких духовных ресурсов поддерживалась согласованность между приверженцами разных вер и убеждений) приводят нас к следующему определению империи. *Империя – это высокоцентрализованное государство, организующее посредством универсальных идей и норм большие пространства, населенные народами с различной культурой.* Универсализм – ключевой признак имперской власти. В этом признаке и стоит искать отличие империй от других типов государств.

На наш взгляд, нельзя противопоставлять структурные и функциональные принципы имперской государственности понятиям гражданской свободы и демократии. Сами по себе они не предполагают и не отрицают эти явления, они находятся в другой плоскости, отвечая на вопрос о способе организации, а не на вопросы об источнике власти или режима правления. Государство может быть демократическим и высокоцентрализованным (например, Франция времен президентства Де Голля), а может быть децентрализованным и недемократическим (например, Речь Посполитая). Безусловно, между принципами организации и политическим режимом существует определенная взаимосвязь, но сводить одно к другому методологически некорректно.

Русская гражданская культура развивалась совместно с русской имперской культурой, они оказались тесно переплетены, поэтому неверно говорить об их несовместимости. Гражданская активность российского населения была выражена наиболее ярко в те исторические периоды, которые требовали максимальной консолидации общественных сил, которые требовали от гражданина заботы обо всех, а не только и не столько о себе. Вследствие этого для русского гражданского сознания характерна ориентация на общее благо, достижение его понимается как выполнение гражданского долга. Менее развито понимание гражданственности как защиты частных интересов, своих личных или групповых прав. Гражданская культура в России по преимуществу – не культура права, а культура *правды*¹¹⁰.

¹¹⁰ Из этого не следует, что она отрицает право. Правда включает в себя идею права. Но ценность права не является для русской культуры стержневой.

Процесс становления российской цивилизации еще не завершен¹¹¹, и поэтому наличествующие потенции гражданской культуры еще не проявлены в полной мере. Идея построения национального государства в России по сути своей есть идея вхождения России в европейскую цивилизацию. Проект национального государства, как он декларируется, подразумевает торжество ценности права над всеми остальными. Право – ключевая ценность современной западной (не мировой!) цивилизации. Но русская гражданская культура – это культура правды. Русская национальная культура никогда не ставила право выше других ценностей. Поэтому, как это ни странно звучит, построение национального государства в России ведет к отрыву от национальных корней. Но без национальной культуры нет и не может быть нации. В противоречии между русской национальной культурой и национализмом¹¹² заключается одна из главных причин, из-за которой модернистский проект российского национального государства не состоятелен.

На наш взгляд, русский народ не должен отречься от имперской идеи. Русская имперская идея – это идея *государства правды* (термин Н.Н. Алексеева). Однако имперская идея в XXI столетии будет сильно отличаться от имперской идеи в том виде, в котором она существовала раньше. Она может существовать только как идея гражданская, то есть вызревшая внутри общества и имеющая поддержку снизу. Она же – идея российской цивилизации, ее возрождения на иных началах. Россия – многомирный Мир. Быть гражданином России значит быть гражданином Мира, значит уметь вмещать в себя правду других миров, принимать и понимать их, не теряя связующей нити Целого. Российское государство, обеспечивая целостность Мира, укрепляя и защищая его, тем самым служит человеку, но и человек призван к служению своему отечеству, только в общем деле он способен обрести себя.

¹¹¹ Именно поэтому некоторые мыслители говорят о том, что российской цивилизации не существуют. Решение вопроса о ее существовании во многом относится к будущему. Но существование самобытной и великой русской культуры не отрицает никто. Цивилизация – это последнее слово культуры. Возможно, русская культура еще не сказала своего финального слова, но нельзя отрицать возможность того, что оно будет сказано.

¹¹² Русская культура подразумевает выход во вне, включения в себя других культур, это культура не предела, а выхода за всякие пределы, в том числе и выхода из ограниченности национальной.

Список литературы

- Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М.: Аграф, 2003. 640 с.
- Анисин А.Л.* Консерватизм, его оппоненты и перспективы. URL: <http://www.pravoslavie.ru/324.html> (дата обращения: 06.04.2016).
- Багдасарян В.Э.* О запрете государственной идеологии в Конституции РФ. URL: <http://rusrand.ru/analytics/o-zaprete-gosudarstvennoj-ideologii-v-konstitutsii-rf> (дата обращения: 11.04.2016).
- Багдасарян В.Э., Сулакишин С.С.* Национальная идея как ценностный интегратор страны // Высшие ценности российского государства. М., 2012. С. 252–307.
- Бедность и неравенства в современной России. М.: ИС РАН, 2013. 168 с. URL: <http://www.poisknews.ru/php/files/core/contentfile/contentfile/02/84/a0/full.pdf> (дата обращения: 13.10.2015).
- Бенуа А.* Идея империи. URL: http://s3-eu-west-1.amazonaws.com/alaindebenoist/pdf/idea_imperii.pdf (дата обращения: 06.07.2016).
- Бердяев Н.А.* Русская идея. СПб.: Азбука; Азбука-Атикус, 2012. 320 с.
- Бердяев Н.А.* Судьба России. М.: АСТ, 2010. 333 с.
- Бердяев Н.А.* Христианство и антисемитизм // Путь. Париж, 1938. № 56.
- Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М.: РОСПЭН, 2006. 109 с.
- Бессонова О.Э.* Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М.: Полит. энцикл., 2015. 151 с.
- Вольнов В.В.* Феномен справедливости // Социум и власть. 2007. № 1–2. С. 20–27.
- Воронцов В.П.* Судьбы капитализма в России // Народническая экономическая литература. М., 1956. С. 3–336.
- Гавров С.Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: Едиториал УРСС, 2004. 352 с.
- Геллнер Э.* Нации и национализм / Пер. с англ. Т.В. Бредниковой, М.К. Тюнькиной; ред. и послесл. И.И. Крупника. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
- Гефтер М.Я.* Мир миров: российский зачин. 1994. URL: <http://lizard.jinr.ru/~tina/world/history/inoe/geft.htm> (дата обращения: 27.09.2015).
- Глазьев С.Ю.* Уроки очередной Российской революции: Крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». М.: Эконом. газ., 2011. 576 с.
- Гусейнов А.А.* Философия как утопия для культуры // Вопр. философии. 2009. № 1. С. 11–16.
- Гумилев Л.Н.* От Руси до России. М.: Айрис-пресс, 2003. 318 с.
- Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. М.: Астрель. 2008. 578 с.
- Зиновьев А.А.* Фактор предательства. URL: <http://www.rpw.ru/lib/Zinovev.html> (дата обращения: 12.10.2016).

Ильин И.А. Наши задачи (сб. ст. 1948–1954). Париж: Изд. Рус. Обще-Воинского Союза, 1956.

Казин А.Л. Последнее царство (Русская православная цивилизация). СПб.: Изд-во Спасо-Преображен. Валаам. монастыря, 1998. 141 с.

Калабеков И.Г. Российские реформы в фактах и цифрах (справ. изд.). М.: РУСАКИ, 2010. 605 с.

Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М.: Рос. пол-лит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. 544 с.

Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация (от начала до наших дней). М.: Эксмо, 2008. 1200 с.

Кара-Мурза С.Г. Народное хозяйство СССР. М.: Алгоритм, 2012. 480 с.

Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2007. 448 с.

Ключевский В.О. Курс русской истории. М.: Альфа-книга, 2011. 1200 с.

Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Наука, 1968. 528 с.

Ламажаа Ч.К. Архаизация общества. Тувинский феномен. М.: Издат. дом «Либроком», 2013.

Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 25. М.: Политиздат, 1969. С. 255–320.

Ленин В.И. К вопросу о национальностях или «автономизации» // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 356–362.

Лепский В.Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационно-му развитию. М.: Когито-Центр, 2009. 208 с.

Макаров Д.А. Система права Византийской империи: историко-правовой аспект: Дис... кандидата юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2007. 222 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 47. М.: Политиздат. 1973. 659 с.

Межуев Б.В. Антиимперская мобилизация // *Русский журнл.* 2006. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Antiimperskaya-mobilizaciya-2006> (дата обращения: 17.08.2015).

Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.

Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма (сб.). М.: Новое изд-во, 2010.

Михайловский Н.К. Письма о правде и неправде // *Михайловский Н.К.* Соч.: в 6 т. Т. 4. СПб., 1897. С. 381–464.

Некlessа А.И. Северная Ромея. Рассуждения о русской идентичности. Интелпрос. URL: http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/15812-severnaya-romeja-rassuzhdenie-o-russkoy-identichnosti.html (дата обращения: 08.09.2016).

Нравственное государство как императив государственной эволюции: материалы Всерос. науч. конф. (г. Москва, 27 мая 2011 г.). / Центр пробл. анализа и гос.-упр. проект. М.: Науч. эксперт, 2011. 504 с.

Осинов Ю.С. Академия наук в истории Российского государства. М.: Наука, 1999. URL: <http://histrf.ru/ru/lenta-vremeni/event/view/osnovanakaademii-nauk> (дата обращения: 07.04.2015).

Осинов Ю.М. Империя Россия. М.: Изд-во МГУ, 2005. 512 с.

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред.: Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. М.: Научно-образоват. форум по междунаро. отношениям, 2005. 204 с.

Пантин И.К. А.И. Герцен: начало либерального социализма // *Вопр. философии*. 2006. № 3.

Пантин И.К. Российская история – Русская революция // *Политико-филос. ежегодник*. Вып. 6. М., 2013. С. 85–118.

Пантин И.К. Судьбы демократии в России. М.: ИФ РАН, 2004. 196 с.

Пеньков Д.С. Развитие правового статуса личности в колониях Великобритании в XVII–XX вв.: Дис... кандидата юрид. наук. 2007. URL: <http://www.dissercat.com/content/razvitie-pravovogo-statusa-lichnosti-v-koloniakh-velikobritanii-v-xvii-xx-vv#ixzz4RLYKyna6> (дата обращения: 07.10.2016).

Плимак Е.Г., Пантин И.К. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М.: Весь Мир, 2000. 360 с.

Поляков Л.В. Консерватизм // *Новая философская энциклопедия*: в 4 т. М., 2010. С. 288–289.

Под стягом России: Сб. архив. док. / Сост., примеч. А.А. Сазонова, Г.Н. Герасимовой, О.А. Глушковой, С.Н. Кистерова. М.: Рус. кн., 1992. 432 с.

Прибалтика и Средняя Азия в составе Российской империи и СССР: мифы современных учебников постсоветских стран и реальность социально-экономических подсчетов. URL: http://nlvp.ru/reports/Middle_Asia_Pribalty_History_for_www_02.pdf (дата обращения: 02.05.2015).

Рачков П.А. Правда – справедливость // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия*. 1996. № 1. С. 14–33.

Российская империя в сравнительной перспективе: (сб. ст.) / Под ред. А.И. Миллера. М.: Новое изд-во, 2004. 381 с.

Российское государство: вчера, сегодня, завтра / Под общ. ред. *И.М. Клямкина*. М.: Новое изд-во, 2007. 624 с.

Российское государство: опыт философского прочтения. М.: Прогресс-Традиция, 2012. 512 с.

Русский мир как цивилизационное пространство. М.: ИФ РАН, 2011. 301 с.

Современные проблемы Российского государства. Филос. очерки / Под общ. ред. *В.Н. Шевченко*. М.: Прогресс-Традиция, 2015. 464 с.

Сомин Н.В. Экономические категории в Священном Писании и церковном учении. Лекции. URL: http://www.chri-soc.narod.ru/posobie_main.html (дата обращения: 03.08.2016).

Степанов Н. Ю. Национально-государственный идеал в представлениях евразийцев 1920–1930 гг. Национальная идея на европейском пространстве в XX веке. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2005.

Строгонова Е.Д. Идеи социализма в Латинской Америке // Латинская Америка. 2009. № 12.

Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.И. Россия как государство-цивилизация: философско-полит. анализ. М.: ИФ РАН, 2016. 122 с.

Федорцев В.А. ЕС как империя: поиск политического центра? РИСИ. URL: <http://www.riss.ru/analitika/1032-es-kak-imperiya-poisk-politicheskogo-centra#.UubaumTНnх5кан> (дата обращения: 05.05.2015).

Федотов Г.П. Судьба и грехи России: в 2 т. СПб.: София, 1991–1992. 954 с.

Федотова Н.Н. Изучение идентичности и контексты ее формирования. М.: Культур. революция; Республика, 2012. 200 с.

Фурсов А.И. Будущее российской цивилизации: Нация? Цивилизация? Иное? // Российская Федерация сегодня. 2011. № 6. URL: <http://www.pu.virmk.ru/aktual/MNENIE/authors/fursov.htm> (дата обращения: 15.04.2016).

Фурсов А.И. Русская власть, история Евразии и мировая система: mobilis in mobile (социальная философия русской власти) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. М., 2008. № 6.

Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ.; под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. 440 с.

Холодковский К.Г. Проблемы и противоречия российской идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. Т. 2. М., 2012.

Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего. / Пер. с фр. С.М. Юрьева, Б.П. Денике; под ред. Вл. Н. Ивановского. Казань, 1906. Б-ка «Вехи». URL: <http://www.vehi.net/chaadaev/apologiya.html> (дата обращения: 08.11.2016).

Уткин А.И. Россия и Запад: история цивилизаций. М.: Гардарики, 2000. 572 с.

Этимологический словарь русского языка. М.: Рус. яз. от А до Я; ЮНЕСКО, 2003.

English R.D. Russia and the Idea of the West. Gorbachev, intellectuals and the end of the cold war. N. Y.: Columbia Univ. press, 2000. 400 p.

Ferguson N. Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power. Basic Books, 2004. 351 p.

Giddens A. The consequences of Modernity. Cambridge Polity Press, 1990. 188 p.

- Hobson J.A.* Imperialism. A Study. L.: James Nisbet, 1902.
- Huntington S.* Conservatism as an Ideology // The American Political Science Review. 1957. No. 1. P. 454–473.
- Lieven D.* Empire. The Russian Empire and Its Rivals. Yale Nota Bene. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 2002. 486 p.
- Zielonka J.* Europe as empire: the nature of the enlarged European Union. Oxford University Press. 2006. 293 p.

Russian statehood and imperial paradigm: philosophical analysis

Ugrin Ivan

candidate of Political Sciences, scientific research fellow at the sector of philosophical problems in politics. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: ivan_ugrin@mail.ru

The monograph is dedicated to the problem of establishment, strengthening, development and decay of the Russian state as an empire kind of state. Russian state has been forming under a number of factors that conditioned the logic of its development. Many of those factors still keep conditioning its further development. Amongst them there is a geographic factor (i.e. an availability of vast expanses and a variety of natural landscapes); a multiethnic population; a complex geopolitical position; poorly arranged horizontal relations between the regions and, consequently, the inevitable centralism; a wide spectrum of cultures forced to live together amicably and look for common origins and meanings to form a single axiological field. These factors cannot be discarded, they cannot be ignored and are unavoidable by their very nature.

Russian state has formed as an empire kind of state under the influence of these and some other factors. There have been quite a number of myths around the concept of empire that prevent one from differentiating between the essence of imperia complex as such (differing from the essence of non-empire states) and the features of specific historical empire states. This work provides its own definition of empire that makes it possible to avoid mythology depicting empire as an absolute evil or, on the contrary, endowing the principles of empire statehood with the quality of absolute goodness. Empire is a highly-centralized state organizing vast expanses populated by people of different cultures by means of universal ideas and norms. Universalism is a key feature of imperial power. The distinction of empires from other types of states should be derived from this characteristic.

The book analyzes why the empire has disintegrated and why the mobilizing potential of the imperial idea has faded away in the modern Russia. As the author sees it, Russian people should not renounce the imperial idea. Russian imperial idea is the idea of the state of truth (as termed by N. N. Alekseev). However, the imperial idea in the XXI century will be significantly different from the imperial idea as it existed before. It may exist only as a civil idea, that is the one that has matured within the society and is supported by many. The very same is the idea of Russian civilization and its rebirth based on new

principles. Russia is a World of communities living in different realities. To be the citizen of Russia means to be the citizen of the Russian World, means to comprehend the truth of other worlds, accept and understand them without losing the binding thread of the Whole. Russian state, providing the wholeness of the Russian World, strengthening and protecting it, thus serves the man, but the man is also called to serve his homeland, since only serving a common goal is he able to find himself.

Keywords: The Russian state, empire, national state, imperial paradigm, civic culture, imperial idea, Russian civilization, the law, the truth, development

Научное издание

Угрин Иван Михайлович

**Российская государственность и имперская парадигма:
философский анализ**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *И.А. Мальцева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 04.07.17.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 5,58. Тираж 500 экз. Заказ № 18.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии

http://iphras.ru/books_arhiv.htm